

Протоиерей Андрей Ткачев

Первое чудо

Беседы о браке и семье

Содержание

Предисловие	2
Первое чудо	3
Слова на венчании	5
<i>Молодым</i>	5
<i>Родителям молодых</i>	6
<i>Друзьям, гостям и родственникам</i>	7
<i>Молодым</i>	8
<i>Венчание и Святое Писание</i>	10
Индивидуализм и коллективизм	12
Заповедь	18
<i>Дети</i>	18
<i>Не боги</i>	20
<i>Дохристианское воспитание</i>	21
О воспитании взрослых	30
Апология женщины	46
Вооружиться мыслью	53

Предисловие

Это предчувствие небывалого счастья, избыток сил и желание обнять всю вселенную. Это кукла на капоте «Волги» или цветные ленты на арендованном лимузине, улыбки друзей, заезженные тосты и конверты в подарок.

Это первые бытовые сложности, о которые рискует разбиться любовная лодка, это сложная притирка людей, превратившихся в «тещ», «зятьев» и «невесток».

Это первая тяжесть под сердцем, первая тошнота и первый плод чрева.

Семейная жизнь. Это сгусток священных проблем, которые трудно решать и от которых невозможно укрыться.

Нет большей тайны, чем жизнь семейная. И под покровом этой тайны, словно в ночном кровавом бою, сплелись в борьбе грехи и добродетели. Весь нравственный климат в мире напрямую зависит от того, насколько сильны отцы, насколько верны жены, насколько сдержаны благоразумной строгостью дети, насколько окутаны заботой старики.

На темы, связанные с семьей, трудно говорить и о них нельзя молчать. Нельзя, потому что выветривание из семейной жизни добродетелей ведет к умиранию семьи как таковой. А умирание семьи уже родило и еще родит такие болезни, для лечения которых у человечества нет лекарства.

Тема бездонна и труд необходим. То, что не получилось у нас, успешно продолжают другие. Мы попросту ныряем в море, не дерзая на то, чтобы его выпить.

Итак, мы говорим о семье.

Первое чудо

Имя Христа и Его образ неотделимы от совершенных Им чудес. Одно лишь то, что описано в Евангелии, поражает воображение. А ведь это лишь малая часть от целого, и если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21:25).

Спаситель проявляет Свою власть над стихиями и веществом, над миром духов, над болезнями и смертью. Умолкает ветер, умножается хлеб, отбегают демоны, отступают болезни, ослабляет хватку смерть. Но все эти чудеса похожи на военные действия. В тонущей лодке — страх, у слушающего поучения народа — голод, среди погребальной процессии — плач, среди больных — страдание и тающая надежда. Сама жизнь, само пребывание Безгрешного среди грешников и Здорового среди больных должны были восприниматься Им как страдание. Он пришел, говорит Льюис, на оккупированную врагом землю, и для Него, видящего тайну сердец человеческих, наш мир являл собою картину страшную.

Значит, чудеса только и возможны там, где есть боль и страх? Значит, кроме как исцелить или спасти от беды, нет больше способа проявить любовь и милость? Это было бы так, вернее, у нас был бы повод думать так, если бы не первое чудо.

Первое чудо происходит на свадьбе. Нет ни больных, ни плачущих. Нет никого, носящего траур, ведь иначе брак был бы невозможен. Зато есть пение и танцы, поздравления и подарки. Есть и слезы, но это слезы радости — слезы матери, отца и подружек.

В своих существенных чертах брачная церемония и до сего дня мало в чем изменилась. Молодые обменивались кольцами, пили общую чашу вина, становились на вышитое полотенце, выслушивали благословения, в которых то и дело звучали имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иосифа и Асенефы. В Иисусовы времена все это уже было благословенной древностью.

Значит, на земле не все погрузилось во тьму. Значит, не все тело мира покрылось пятнами проказы, и на этом теле еще есть участки здоровой и чистой кожи. Эти здоровые части жизни связаны с браком. Кто хочет радоваться позволительной, чистой, безгрешной радостью, пусть ищет ее в благословенном супружестве и во всем, что с ним связано. Христос пришел на брак, чтобы показать Свое сочувствие не только нашей боли, но и нашему ликованию. Впрочем, не всякому. Если купец обманет покупателя — то ли уменьшенной гирей, то ли льстивыми речами — то у купца будет радость, а Христос эту радость с ним разделить не согласится. Если на гладиаторском поединке часть зала будет приветствовать победителя, а вторая часть будет оплакивать проигравшего, то Христос вряд ли будет скорбеть со скорбящими и радоваться с радующимися.

Но свадьба — это другое дело. Это немножко настоящего меда посреди горьких, как полынь, будней. Это образ любви Бога и человека, это жертвенность и самоотдача, это чудесное превращение двух жизней в одну. Образами супружеской тайны была насыщена речь Исайи, Осии, и еще совсем недавно Иоанн Креститель называл себя другом Жениха, под Женихом подразумевая Самого Спасителя.

Итак, Он был на браке и ни один мертвый еще не воскрес по Его слову, ни один демон еще не оставил мучимого им человека. Время чудес еще не настало.

И вот на празднике не хватило вина. То ли бедны были врачующиеся, то ли гостей было слишком много, но чаши пирующих опустели. Пусть лучше бы не хватило хлеба. Ведь вино веселит сердце человека (Пс. 103:15), и что же это будет за свадьба без веселья. Бедняки во множестве приходят на свадьбы. Они знают, что сегодня никто не прогонит их. Они помнят слова Писания: Дайте

си-керу погибающему и вино огорченному душою; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании (Притч. 31:6, 7). И вдруг такая новость — нет вина!

В это время ко Христу обращается Мать. Он еще не творил чудес, и Она еще не выступала в роли заступницы. Но, видно, время пришло. Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой (Ин. 2:3, 4).

Один из отцов говорит, что это был тот диалог, который должен был прозвучать в Эдеме. Так должен был ответить Адам на предложение жены съесть от запрещенного древа. «Что Мне и Тебе, Жено? Наше время еще не пришло». Христос исправляет ошибку праотца. Он — второй Адам и пришел исправить ошибки первого. Но тогда, в раю, в словах жены был соблазн на грех, а здесь в словах Матери нет ни греха, ни корысти, лишь сострадание. Поэтому Она продолжает просить, уже без слов, только взглядом. А Христос в ответ на Ее просьбу здесь же на свадьбе начинает Свое служение, озаменованное обилием чудес.

Первое чудо открывает характер последующих. В нем нет ни позы, ни жеста, ни эффектных фраз. Нет ничего, что так бросается в глаза, чего так часто ждут люди и на что они так падки. Ведь далеко не всякий из нас понимает разницу между чудом и фокусом, и уж совсем мало кто знает, зачем нужно совершать великие дела тихо и не напоказ.

Сосуды, служащие для ритуальных омовений, по слову Иисуса наполняются водой. Затем из них черпают и несут воду распорядителю пира. Тот пьет и тотчас зовет к себе жениха, чтобы отругать его. Оказывается, жених утаил хорошее вино и подал его только теперь, когда худшее уже было выпито. Вода в сосудах стала вином, и жених ни за что получает выговор, но веселье продолжается, никому нет особого дела до того, что Сын Божий начал творить чудеса. Так испокон веков мы, люди, привычно пользуемся непрерывными Божьими чудесами, не утруждая себя мыслями о Том, Кто их творит.

Все, наверное, были немножко выпившими, что для свадьбы естественно и в чем еще нет греха. Все, конечно, обрадовались новому питью, которое оказалось вкуснее первого. Гости пробовали новое вино, причмокивали от удовольствия и, хитро прищурившись, говорили: «Ай да жених! Такое чудное вино принес в конце застолья. Хитрец!» Потом опять заиграла музыка, и опять начались танцы.

Но ученики Христовы были трезвы. Они мало внимания уделяли еде и напиткам, но зато внимательно следили за Учителем. Чудо не ускользнуло от них, и уверовали в Него ученики Его (Ин. 2:11).

Моисей превращал воду Нила в кровь, чтоб ее не могли пить египтяне. Иисус превратил воду в вино, чтобы веселье на свадьбе не угасло. А затем, через три года, Он превратит вино в Кровь Свою, чтобы нам пить Ее во оставление грехов. Наконец-то пришел Тот, Кто больше Моисея. Пришел Тот, о Котором сам Моисей сказал: Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой. — Его слушайте (Втор. 18:15).

Отныне чудеса польются с тем постоянством, с каким тепло и свет льются от солнца на землю.

И первое чудо — на свадьбе. Не среди прокаженных, не среди плачущих о покойнике. Это значит, что и в будущей жизни Христос не прекратит чудодействовать. Ему некого будет воскрешать, некого лечить, Он больше не будет изгонять из людей демонов. Но Он продолжит творить чудеса, чтобы радовать людей, чтобы райское веселье не заканчивалось.

Ведь и само Царство Небесное в притчах Христом изображено как брачный чертог, как свадебное пиршество.

Слова на венчании

Молодым

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Человеку дано пережить многое из того, что пережил праотец Адам. При всей нашей сложности и непохожести друг на друга, люди в глубине души проживают одну и ту же жизнь, начало которой—в Эдемском саду. Так, например, перед вступлением в Великий пост мы вспоминаем Адамово изгнание, и наше сердце способно пережить ту, якобы чужую, трагедию, как свою. Наше сердце способно на «Адамов плач».

Когда мы работаем, мы вспоминаем повеление Божие Адаму возделывать и хранить райский сад. Эту двойную задачу унаследовали и мы, будучи обязанными трудиться двояко: над окружающим миром и над собственным сердцем. Справедлива, поэтому, английская пословица «Копаясь в земле, покопайся в себе».

Особенно должны быть близки вам, дорогие молодые, слова Писания о приведении к Адаму жены. Он не видел и не знал ее, но когда Бог привел к нему взятую от его плоти подругу, Адам стал пророчествовать. Он узнал в ней самого себя, вернее, часть свою и дал ей имя — жена. В русском языке не чувствуется звуковая сродненность имен мужчины и женщины. А в еврейском тексте муж — «иш», а жена — «иша», т. е. «взятая от мужа». Еще Адам постиг, что от него, от его плоти и костей, взята жена, что теперь человек будет оставлять отца и мать и прилепляться к жене, чтобы стать с нею одной плотью. Это тем более удивительные слова, что Адама не рожала женщина, он не имел плотских родителей и говорил, пророчествовал от лица несметного количества будущего потомства, отцом которого он себя смутно ощущал.

Почему эти слова должны быть вам близки? Да потому, что когда вы нашли друг друга среди шумного многолюдства, вы почувствовали на время, что в мире никого, кроме вас, нет. Словно вы — первые люди на земле, как Адам и Ева. И еще вы узнали, почувствовали тогда, что встретили часть свою, как бы себя самого, и теперь расстаться — означает умереть.

Сегодня ваша копилка святых мыслей и ощущений пополняется еще одним драгоценным и уникальным опытом. Вы венчаетесь. Та первая пара, Адам и жена его, венчались в раю. Тогда в мире не было греха, и весь мир был храмом. Нужды в отдельных освященных зданиях не было. Вы же ныне венчаетесь в Церкви, которая есть не что иное, как рай на земле. Это тем более очевидно, что вы, как и праотцы слышите те же благословения: Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею (Быт. 1:28). Вам дано сегодня пережить (один раз на всю долгую жизнь) то самое райское состояние, с которого началось умножение людей и человеческая история. Не забудьте этого.

Есть, правда, одно различие между вами и праотцами, и различие очень серьезное. Это — грех. Первый брак был тогда, когда грех еще не вторгся в мир и не начал еще своей губительной и разрушающей деятельности. Вы же венчаетесь в те времена, когда грех сросся с человеком, стал привычным и от этой привычки едва различимым.

Церковь благословляет и освящает ваш брак именем Иисусовым. Он — Иисус Христос — победил и грех, и его следствие — смерть. Но чтобы усвоить плоды Христовой победы нужно много потрудиться. Мало людей хотят жить для Христа и ходить в Его свете. Оттого растлились нравы, расшатались устои и обезумел человек. Очевидное стало сокрытым, и только в храме слух человеческий оглашается словами Истины.

Хочу напомнить вам, что в храме мы венчаем вас не для того, чтобы в следующий раз вы пришли сюда ради Крещения первенца. Я уже вспоминал одну английскую пословицу. Вспомню и

еще одну. В ней говорится о тех христианах, которые бывают в церкви трижды в течение жизни, и все три раза они приходят не на своих ногах. Первый раз их приносят крестить. Второй раз их привозят венчать. И третий раз их или приносят, или привозят отпевать. Не будьте подобны им. Мы венчаем вас для того, чтобы здесь, на этом месте молитв о вашем благодатном соединении в одну плоть, вы бывали часто. Причащайтесь Святых Тайн, молитвой в храме отмечайте день воскресный, поучайтесь в законе Господнем через голос пастырей.

Не в рай, но в мир, который во зле лежит, мы проводим вас отсюда через несколько минут! Бог да вразумит вас, Бог да сохранит вас, Бог да умудрит вас на всякое дело благое!

Перед взором нашим вас двое. Но в Духе Святом мы усматриваем другой счет и другую арифметику.

Вы — один человек, одна плоть в Господе, отныне и навеки!

С другой стороны, здесь вас трое: жених, невеста и, незримо, Господь. Он сказал, что где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них (Мф. 18:20). Он сказал, Он и сделал. И вот вам на прощанье краткая формула счастья: будьте здесь, на земле, всегда вместе, и — с Господом. А в будущей жизни будьте с Господом, но и непременно вместе.

Аминь.

Родителям молодых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Все внимание наше приковано нынче к этим двум молодым людям, соединяемым благодатью Божией в одну плоть. Но позвольте сказать несколько слов и вам, родителям жениха и невесты.

Сложные чувства сегодня теснятся в вашей груди, и странные слезы увлажняют ваши глаза. Удивления достойна связь между глазом и сердцем. Стоит бросить неосторожный взгляд в сторону запрещенную, как в сердце загорается недобрый огонь. Лучшим примером этого служит нам история, бывшая с Давидом, история, о которой напоминает пятидесятый псалом. И стоит сердцу сжаться, тоской ли, покаянием ли, как око начинает слезить. Отчего же вам сегодня хочется плакать? Какие чувства смешались в вашем сердце?

Это одновременно чувства и скорби, и радости. Вы скорбите, поскольку дети ваши так неожиданно выросли. Вы навсегда прощаетесь сегодня с их детством. Сама жизнь, такая хлопотная и насыщенная событиями, сегодня кажется вам быстротечной, похожей на сон, отлетающий от проснувшегося человека. «Неужели это мы выдаем замуж нашу дочь, женим сына? — думаете вы. — Неужели это мы скоро станем дедушкой и бабушкой?» Да, вы. И хотя в душе вы чувствуете себя такими же молодыми, как ваши дети, правда жизни скоро заявит о себе новыми заботами, новыми переживаниями.

Вы радуетесь, потому что нельзя не радоваться, видя сияющие лица молодоженов. Нельзя не радоваться, прикасаясь к этому чуду из чудес и тайне из тайн — любви и браку. У каждого из вас сегодня день великого приобретения. Тот, кто до сегодняшнего дня имел сына, здесь и сейчас приобрел дочку. И наоборот, кто имел дочь, приобрел сына. Прошу вас, любите зятя больше, чем дочь. Любите невестку больше, чем сына. Слишком часто бывает наоборот, и мы слышим об этом в анекдотах, в сводках криминальной хроники, в кухонных пересудах.

Вашим детям придется строить свою жизнь с мелочей. Покуда дело будет касаться разбора конвертов и подарков или поездки в свадебное путешествие, все будет более-менее хорошо. Сложнее

будет с заботами по кухне, с первыми покупками, с планировкой семейного бюджета, с примирением после неизбежных размолвок и обид. Прошу вас, не мешайте им. Не мешайте — означает не старайтесь помочь. Дайте им сменить белое платье и строгий костюм на халаты и тапочки. Дайте им узнать друг друга в повседневном быту, который серьезнее, чем огонь и вода, испытывает отношения. Пусть они все испытают сами, сами все попробуют на вкус.

Если дочь придет к вам жаловаться на зятя, не слушайте ее. Пусть возвращается домой и мирится с супругом. Если то же сделает сын, разверните его в сторону жены. Вы можете помочь им, в основном, молитвой.

Я не знаю, молились ли вы за своих детей, когда они лежали в колыбели, когда они пошли в школу, когда начали взрослеть. Я не знаю, чего вы просили у Бога для них, когда молились. Если молились, то, конечно, просили здоровья. А вот просили ли терпения, целомудрия, трудолюбия, крепкой веры в Господа, я не знаю. Но как бы то ни было, молитесь сейчас. Просите для них у Бога верности, терпения в невзгодах, конечно, здоровья, которое так хрупко и так желательно.

Вы знаете больше. Но знания эти накопились у вас не за один год. Не думайте, что можно быстро всему научить. Не раздражайтесь, если не все ваши советы принимаются сразу, не все ваши уроки легко усваиваются. Любовь тем и хороша, что умеет не исчезать и даже не уменьшаться, видя несовершенство в том, кого любит.

Ваши дети сегодня нашли свою половину. А вы сегодня разбогатели на еще одного настоящего родного, хотя уже совсем взрослого ребенка. Да научит вас Дух Святой настоящей любви к своим детям — и к тому, что рожден вами, и к тому, которого вы приобрели сегодня.

Аминь.

Друзьям, гостям и родственникам

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Дорогие братья и сестры! С веселыми лицами и в праздничных одеждах вы пришли сегодня в храм, чтобы разделить с молодыми и с их родителями радость великого дня — дня венчания.

Голос жениха и невесты в Писании обозначает торжество жизни и безгрешную радость. Наоборот, отсутствие подобных голосов, их исчезновение означает нечто иное, как гибель народа или прекращение обычной жизни по причине Божьего гнева.

Стоит ли удивляться, что брачное торжество влечет к себе, помимо жениха и невесты, помимо их ближайших родственников, еще многих и многих.

Придя в храм, вы стояли на венчании вполоборота к алтарю — так, чтобы можно было видеть виновников торжества. Это понятно, но это неправильно. Нужно было стоять лицом к востоку, к святилищу, и за молодых молиться. Ваши молитвы будут им очень нужны. Украсть можно, забрав то, что есть. Но можно украсть и не дав того, что должен дать. Спросите свою совесть: не украли ли вы сегодня у молодых духовную благодать, не молясь за них в ходе венчания, но лишь глаза на них? Зачем еще и идти в церковь, если не на молитву? Впрочем, у вас будет еще возможность часто и с горячим сердцем молиться — как за эту пару, так и за других людей. Мы же обратим с вами внимание на следующее.

Не секрет, что супружеству, этому цветку, из рая принесенному на землю, в наши дни угрожает многое. Семья в наши дни не просто страдает. Семья в наши дни начала исчезать. На каждую пару, стоящую в наши дни под венцами, ложится ответственность за будущую жизнь и будущие поколения.

Не думайте, что это ложный и неуместный пафос. Посмотрите на лица незамужних девушек здесь в храме. Разве вы не прочтете в глазах многих из них сладкий и болезненный вопрос: «Господи! А я когда?» Парни думают об этом меньше. Они медленнее взрослеют, дольше остаются детьми, а воспитанные и заласканные матерями (часто и без отцов) и вовсе рискуют никогда не вырасти. Но девушку природа раньше делает умной и внимательной. Так вот, если мы не будем видеть браки состоявшиеся, браки, выдержавшие напор искушений, браки, не потерявшие, но умножившие любовь, то что мы увидим в глазах таких девушек через некоторое время? Мы увидим разочарование или даже отчаяние. «Нет настоящей любви. — услышим мы. — Нет настоящих семей. Есть привычка, есть лицемерие, а любви нет». Так говорят многие. А если так говорят, то да будет известно нам, что вслед за произнесением этих слов, человек начинает грешить без страха. Начинает грешить не от любопытства или от немощи, а от отчаяния. Разве мы этого хотим новому, следующему после нас поколению?

Поэтому я говорю, что на каждую венчанную пару будут смотреть не в оба, но в четыре глаза, и в этих глазах будет вопрос: «Оправдают ли они свое венчание? Если да, то и я хочу полюбить и идти под венец».

Как тяжело в огромном человеческом море найти именно свою половину! Именно свою, а не чужую! Для меня очевидно, что без особой милости Божией и благодати это невозможно. И непосильно, быть может, самому человеку вымолить это счастье для себя, но нужна ему молитвенная помощь мамы, отца, друзей, духовенства. Потому я говорю вам, незамужним и неженатым: молитесь за эту, близкую вам пару. Молитесь и говорите: «Боже, сохрани их, помоги им, благослови их, и меня не забудь. Дай и мне в свое время эту радость и это счастье — супружество».

И для вас есть у меня слово — для тех, кто прожил в браке уже не один год. Вспомните себя в те дни, когда вы были женихом и невестой. Вспомните все то тайное — встречи, признанья, мечты — все, известное, кроме вас двоих, лишь Богу, и умилитесь. Жизнь ожесточает вас: ту свежую и чистую любовь, что кружила вам голову в молодости, вы изрядно расплескали по пути. Так взгляните же друг на друга новыми глазами и возьмитесь за руки, словно впервые, в день собственной свадьбы. Может быть, благодать, пришедшая сегодня на венчающуюся пару, коснется своим крылом и вас. Может быть, число новобрачных таинственно дополнится другими парами, не начинающими, но обновляющими святой супружеский союз.

Наконец, и вы, прожившие в браке долго, но так и не венчавшиеся. Неужели вы не спросите сегодня друг друга: «А чего это мы с тобой, мать, до сих пор не венчаны?» — скажет муж. «Да вроде стыдно уже, дед». — ответит жена. А я говорю вам — не стыдно. Не стыдно идти в храм за молитвой и благословением. И не поздно. Никогда не поздно обвенчаться, тем более, что, поливая корни, мы помогаем зазеленеть ветвям. А венчая супругов со «стажем», мы низводим благословение на их детей, а если есть, то и на внуков.

Молодая пара радостью своей собрала нас сюда. Но вы видите, как радость одних стала пользой для многих. И так в Церкви всегда. Господь призывает одних, но не забывает и об остальных, зажигает одну свечу, но от ее огня воспламеняет многие лампы. Ему, в Чье трисвятое имя мы крестились, Отцу и Сыну и Святому Духу, слава отныне и во веки. Аминь.

Молодым

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Дорогие молодожены! Мы все понимаем, что сказанные сегодня слова доходят до вашего слуха как бы сквозь вату. Вы еще не верите, что все происходящее происходит именно с вами, а не с кем-то другим. Но я знаю, что потом все сказанное проявится в

вашей памяти, словно изображение на пленке. Помогут вам и видеозаписи, без которых сегодня редко обходится венчание. Ради этого будущего осознания ныне сказанных слов можно сейчас говорить о вещах важных, предельно значимых.

Человеческая жизнь напрямую зависит от добродетели. Конечно, она зависит и от денег, и от здоровья, и от того, насколько много у вас друзей, и как крепки ваши связи с родителями и родственниками. Но это вторичные факторы. Первичным фактором является именно добродетель. Под добродетелью я сейчас имею в виду те нравственные качества, без которых жить нельзя. Если же их нет, а жизнь продолжается, то это уже не человеческая жизнь, а скотская или бесовская. Что же это за добродетели?

Это трудолюбие, терпение, верность, воздержанность, постоянство, благодарность. Этот ряд можно продолжать, хотя и не до бесконечности. С одной стороны, вступая в брак, какими-то добродетелями нужно уже обладать. Но с другой стороны, сам брак способствует воспитанию в человеке всех необходимых качеств, лишь бы только человек не противился этому воспитанию, а, наоборот, сознательно в нем участвовал. Семью можно назвать тем гнездом, в котором душа вырастает и, словно птенец, оперяется для самостоятельного полета, полета в Царство Небесное.

Начнем с трудолюбия. Брак не терпит лентяев. Тот, кто желает превратить жизнь в цепь непрерывных удовольствий, превратит ее со временем в цепь непрерывных страданий. Непременно трудитесь. Ни в коем случае не ешьте хлеб даром. Камнем в горле становится даром съеденный хлеб.

Митрофан Воронежский кратко говорил: «Употребил труд, храни мерность — богат будешь». То есть: трудись и даром не трать. Со временем накопятся избытки, те самые, которые мы зовем богатством.

Вы, конечно, хотите жить в довольстве. Это не грешно. Но нужно знать, как достичь этого, не наступая на совесть. И вот вам совет: не спешите и никому не завидуйте. В свое время у вас будет все, что нужно. И вы будете это ценить, поскольку это будет заработанным благом, а не украденным или случайно найденным.

Завистливый смотрит на тех, кто богаче, чтобы завидовать. Благочестивый смотрит на тех, кто беднее, чтобы помочь. Слышали вы пословицу: «Не оскудеет рука дающего»? Знайте, что она «работает» с точностью физического закона. Человек милостивый, сострадательный, любящий отделять часть заработанных средств для неимущих, будет, непременно будет благословлен Богом. Вот вам тайна, для всех открытая, но не многим известная.

Для того же, чтобы быть бедным, необязательно быть лентяем. Есть еще два способа обеднеть. Это воровать и работать в воскресенье. Вывод понятен? Не берите чужого, не вносите в свой дом огонь. И обязательно чтите Господа в день воскресный, не занимайтесь в этот день тем, чем можно заняться в будни, тем, что подождет. Это тоже просто, но и это — тайна.

О верности и целомудрии скажу кратко. Пусть муж думает: в мире больше нет женщин, кроме моей жены. Пусть жена думает подобным образом: в мире нет мужчин, кроме моего мужа. Слышите? Не то, чтобы они есть, но моя жена красивее. Есть, но мой муж добрее и умнее. Их просто нет. И если нельзя воровать, чтобы не обеднеть, то и блудить нельзя, ибо это тоже воровство. Апостол Павел говорит, что муж себе не хозяин, но хозяйка ему жена. Точно так же и наоборот. Это говорится о плоти. Поскольку вы теперь — одна плоть, то муж — хозяин плоти жены, а она — хозяйка плоти мужа. Всякое общение с иною плотью — это воровство и великое несчастье. Бог да сохранит вас от этого.

Как было бы хорошо дожить до внуков и правнуков и суметь сказать им: «Кроме вашего дедушки у меня не было мужчин; кроме вашей бабушки я не знал женщин». Слушайте это все, здесь стоящие, потому что слова эти — суд для человека и касаются всех.

Нужно ли говорить о том, что брак несовместим с пьянством? Думаю, нет. Всем известно, что стон и плач живет там, где поселилось пьянство. Избегайте этой беды. Не ходите теми дорожками, на которых могут быть норы зеленого змия. И от этой беды Бог да сохранит вас.

Если вы теперь столь близки, что одна плоть у вас, то нераздельными должны быть у вас и труд, и отдых. Нельзя, чтобы у мужа были свои друзья и свои интересы, а у жены свои. Многие перетаскивают в семейную жизнь старые привычки и интересы, пытаются отвоевать «собственное» пространство внутри брака. Опасно это. До некоторой степени в этом есть необходимость, но если возникнут конфликты, то частное нужно будет принести в жертву общему. Ради семьи нужно будет жертвовать личными пристрастиями.

Мы только начали говорить, а многим уже показались наши слова и страшными, и грозными, и тяжелыми. Так и апостолы, услышав от Господа об обязанностях в браке, о неразлучности и верности, сказали, что лучше не жениться (Мф. 19:10). Некоторым — тем, кому дано — действительно лучше не жениться. Но их мало, и вряд ли есть среди нас сейчас хоть один такой. А всем остальным лучше жениться, но по любви и с открытыми глазами. Чем мы и занимаемся сейчас, как не открытием глаз? До поздней ночи сегодня вы будете плясать и произносить тосты. Часто эти тосты будут различаться только очередностью слов, а касаться будут только счастья и здоровья в их мирском понимании.

Мы же здесь беседуем о том, что услышишь не часто.

Но поскольку не в последний раз я говорю с вами об этом, поскольку вы придете в храм еще не раз и не два, у нас будет возможность продолжать беседы о браке с вами, уже не женихом и невестой, а состоявшимися мужем и женой.

Целуйте друг друга, принимайте поздравления родных и идите с миром праздновать и веселиться.

Аминь.

Венчание и Святое Писание

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я хочу сказать вам сейчас несколько слов о том, как пропитано Священным Писанием наше богослужение, как наши молитвы и службы целиком вырастают из Библии.

В миру человек — это щепка на волнах океана. А в Церкви человек — маленький листочек на ветке могучего дерева. Сам он мал, но он органически связан с жизнью дерева, с его историей. Именно поэтому в службе венчания мы слышим имена тех, о ком так редко (горе нам) мы думаем в повседневной жизни.

В чине обручения мы дважды слышим об Исааке и Ревекке. Авраам не хотел искать жену своему долгожданному и обетованному сыну из жителей новой земли — хананею, среди которых он жил. И вот он посылает раба в Месопотамию, которая называется в тексте венчания «средоречьем», то есть Междуречьем, за невестой. И там, как говорится в венчальном дослідовании, «ходатайством водоношения» была найдена невеста Исааку. Это описано в 24-й главе Книги Бытия. Звали девицу Ревекка. Она была родственницей, а точнее, внучатой племянницей Авраама. Вместе с другими девицами вечером она вышла черпать воду. Раб Авраама помолился Богу, говоря, что та девушка подойдет сыну его господина, которая даст ему напиток. Ревекка с радостью дала напиток незнакомцу и сказала: Я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются (Быт. 24:19). Она вылила воду в поило и вновь побежала к колодцу, и так начерпала для всех верблюдов.

Вот от каких источников питается дерево святости! Радшие, готовность потрудиться, готовность с радостью послужить даже и незнакомцу сделали эту девушку матерью святого потомства, сделали ее незабываемой в истории человечества. В нашем народе тоже говорят: ищи жену не в хороводе, а в огороде.

Господь следит за делами сынов и дочерей человеческих, и вознаграждает их сторицей за искренне сделанное добро.

Ревекка поехала в неизвестную землю, к невиданному ею доселе жениху — Исааку, который в эти дни скорбел о смерти своей матери — Сарры. И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по матери своей (Быт. 24:67).

Согласитесь, братья и сестры, какая это трогательная история, при всей своей библейской простоте! Если мы не знакомы с ней, то молитвы венчания, в которых молодым выпрашивается такое же благословение, какое было на главах Исаака и Ревекки, пройдут мимо нашего сознания. А ведь это не единственное место Писания, которое надо хорошо знать. В одном только чине обручения мы слышим воспоминание об Иосифе в Египте, о Данииле в вавилонском плену, о Фамари, о возвратившемся блудном сыне, ради которого в притче отец велел заколоть тельца. Все эти тексты связаны с одеванием колец. Ведь и Иосиф получил от фараона перстень в знак того, что он почтен высшей после самого фараона властью в Египте; и Фамарь обманула тестя при помощи посоха и кольца; и покающийся блудный сын получил, кроме сапог и новой одежды, перстень на руку. Все это нужно знать. Нужно насытить свою маленькую жизнь великими, бессмертными образами библейской жизни. Тогда человек укореняется в законе Господнем и становится похожим на дерево, растущее при потоках вод (Пс. 1:3). Он непременно принесет плод во время свое и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет (Пс. 1:3). А иначе ветер суеты разметает человека, как прах.

Мы не сможем рассказать все, что связано со священными историями в чине венчания. Да и вряд ли это необходимо. Мы дали вам направление движения, а дальше двигайтесь сами. Читайте Писание, посещайте храм, молитесь вместе. Добавлю только, что раз уж мы брали повод для беседы из чина обручения, взгляните еще раз внимательно на свои обручальные кольца.

Подумайте о том, что два ваших кольца—это два крайних звена одной цепи. Цепь золотая. Она не видна. Видны только крайние звенья. Ими вы спаяны навеки. Даже смерть не сильна вас разлучить, если вы не позволите греху сделать это. Куда бы вы ни пошли или ни поехали, пусть взгляд на кольцо напомнит вам о святых узах брака, пусть напомнит вам о заповедях, пусть подвигает вас на молитву.

Аминь.

Индивидуализм и коллективизм

Ноги человека крепко стоят на земле. Трудно спорить с теми, кто говорит, что человек— существо земное. Но голова человека увенчивает прямую спину и стремится в небо. Нельзя спорить и с теми, кто говорит, что у человека небесное призвание. Душа и тело, вечность и время, мощь и слабость, величие и ничтожество, взятые вместе — это человек. Но, начало небесное и начало земное смешаны в человеке не так органично, как смешаны в тесте мука и вода. «Между землей и небом — война», — пел не так давно, на рубеже эпох, молодой, ныне уже покойный, певец. Внутри человека происходит борьба помыслов и столкновение взаимоисключающих желаний. Долг велит одно, сердце стремится к другому, разум твердит о чем-то третьем. А есть еще обстоятельства, традиции, привычки. Человек — это не струна, натянутая между Небом и Землей. Скорее, это спираль накала между «плюсом» и «минусом».

Если внутри отдельного человека идет борьба и мира в нем нет, то любое человеческое общество по необходимости представляет собой сложную систему противовесов и сдерживаний, призванных не дать внутренним противоречиям накопить критическую массу. Человечество есть некий тлеющий пожар, который нельзя потушить до конца, и которому нельзя давать разгореться.

Противоборствующих групп очень много. Есть группы классические, присутствующие всегда, — такие, как богатые и бедные. Они могут одеваться по моде и переименовываться в «собственников» и «наемных рабочих», что совсем не меняет сути. Скрыто враждуют внутри человечества мужчины и женщины, отцы и дети. Враждуют оседлые и кочевые цивилизации. Враждуют белые и цветные. Вражды на почве религиозной лучше не касаться мимоходом. И среди всех этих противоречий есть одно, на котором хочется остановить взгляд более пристальный. Противоречие между коллективизмом и индивидуализмом будет в сетке нашего прицела.

«В наше время все было по-другому. Мы собирались вместе, вскладчину накрывали столы, пели, радовались жизни. Никто не боялся выйти вечером на улицу. Все чувствовали себя, как в одной большой семье. Бедно, конечно, было, вернее — скромно, но очень душевно, весело». Кто не слышал подобных рассказов из уст тех людей, чья молодость пришлась на послевоенные годы?

Одесские дворики, где каждый знает все обо всех, — яркий пример коллективного бытия. Такое бытие особенно ярко расцветает там, где недавно была война, где все одинаково бедны, и где тепло большую часть года.

Совсем другое дело — питерские коммуналки. Это тоже яркий пример, но с некими особенностями. Там холодно, там все бедны неодинаково. Питер — западный город, город-призрак, город-мираж, не долгими столетиями разраставшийся и поглощавший пригороды, а возникший сразу. Московские слободы, кварталы и переулки надеты на исторический центр, как бесчисленные юбки на колоритную купчиху. А Питер вырос под линейку. В нем коллективное бытие вынужденно, но жителям его привита инъекция западного индивидуализма. Каждый хочет жить изолированно от всех, ибо каждый уверен в том, что он уникален и «право имеет». Но все живут вместе, на малых метрах жилплощади, потому что нет возможности разъехаться и замкнуться на «своих метрах». В таких ульях, рожденных необходимостью, праздники вместе не празднуют, угощениями с пылу-жару не делятся, или делятся гораздо реже, чем в одесских (тбилисских, молдавских) двориках. Питер — это индивидуалист западного образца, живущий по принуждению в социалистической казарме. В таких условиях рождается музыкальный андеграунд, писательский талант, психологическая травма, но не здоровая семья. А именно здоровая семья есть камертон здорового коллективизма. Хорошая, то есть

большая и крепкая семья — это и есть классический пример совместного бытия в любви, и всякий здоровый коллектив приближается к тому, чтобы быть названным именем «семьи».

Индивидуализм звучит как замкнутость, безразличие к общему делу, сомнение в том, что общее дело вообще возможно. Между тем, ценностным ядром индивидуализма является несводимость личности к части коллектива, человеческая уникальность. Человеку нужно быть наедине со своими мыслями и тревогами, личность осознает себя, растет и крепнет в одиночестве. Заставить человека все двадцать четыре часа в сутки быть «на миру» — это пытка. В любом бараке люди стремятся отделить кусочек «своей» территории хотя бы при помощи простыни. Разрезанные на дюжину кусков прежние барские покои превращались в «отдельное жильё» при помощи фанерных перегородок.

Это неистребимое желание жить на своем, пусть небольшом, пространстве раздражало строителей социализма. Они видели в этом явлении ожившее мещанство и психологию, отравленную мелкобуржуазными вирусами. На самом деле — это проявление душевного здоровья, потому что человек не должен растворяться в социуме.

Вот мы и похвалили изолированное бытие, хотя только что хвалили бытие коллективное. Так придется делать постоянно, потому что (цитирую сам себя) любое человеческое общество по необходимости представляет собой сложную систему противовесов, призванных не дать внутренним противоречиям накопить критическую массу. Скажешь: «Индивидуализм — плохо», — тут же найдется аргумент противоположный, говорящий: «Нет, батенька. Вот тут и тут у индивидуализма есть очень даже неплохие стороны». Поспешишь согласиться и по-русски бросишься в противоположную крайность: «Ну, да! Конечно! Личность свободна. Коллективизм — тюрьма». Но и здесь услышишь в ответ: «Коллективизм — не всегда тюрьма, иногда совсем наоборот», — и прочее.

Как любой житель Киева, я часто пролетаю над днепровскими водами по спинам мостов, будь то мост Метро или мост Московский. Этакую сложнейшую штуку — мост — никогда не построишь силами отдельного индивидуума. Нужна коллективная работа инженерной мысли, нужны тщательные и сложные расчеты. Затем — упорный и долгий коллективный труд, превращающий тонны железа и бетона в довольно изящное сооружение, соединяющее два берега. Хочешь быть последовательным индивидуалистом — не ступай ногой на любой из мостов, поскольку мост — ярчайшее проявление коллективного труда. В метро, кстати, тоже не заходи. Оно — того же поля ягода. Вряд ли стоит и зажигать лампочку в квартире, поскольку за любой горящей лампочкой скрывается сложнейшая работа электростанций и наличие инфраструктуры: линий передач, подстанций, трансформаторов, и т. п.

Логичному индивидуалисту нет места в мире цивилизации. Либо совесть его выгонит из этого мира и запретит пользоваться благами, либо он смирится и умерит критичный пыл по поводу людского муравейника. Правда, есть третий вариант: не логично, а поверхностно и обрывочно мыслящий индивид, говорящий одно, поступающий по-другому и мыслящий третье. Осмысленных шагов от него не жди. А если будешь с ним беседовать, стой от него шагах в двух, ибо сей не умеющий мыслить господин имеет свойство брызгать слюной при разговоре.

Говорят: «Бежим отсюда. Цивилизация испортила нас. На лоне природы мы будем невинны и естественны». Какая чушь! Когда Каин Авеля убил, какая цивилизация его испортила? Не цивилизация испортила человека, а испорченный человек создал соответствующую цивилизацию. Убегая из чадных и дымных городов, что мы несем с собой, кроме рюкзаков и термосов? Страсти свои

мы несем, куда бы ни пришли. Стоит пикнику продлиться неделю вместо положенных суток, и проявится все, чем кто болен. Обиды, ссоры, несогласия по пустяковым поводам... Оставьте отдыхающую группу навсегда жить в лесу — и вскоре прольется кровь, выделится вождь, составятся неписанные законы и правила. Мы будем свидетелями ожившего учебника по истории древнего мира. Поэтому не надо возлагать свои надежды на возврат к простоте, на экологию, на «звенящие кедры» и проч. Если уж и бежать куда, то только в качестве настоящего монаха. Но это дело редкое и достойное Красной книги.

Мы же вернемся к коллективизму и индивидуализму.

Коллективизм свойствен тем, кто живет поскромнее. Своя квартира, тем более, свой дом — это показатели хорошего достатка. У нас же десятилетиями, а может, и столетиями, культивировалось понятие «свой угол». После войны, когда люди были рады самому факту продолжающейся жизни, коллективизм был органичен. Пели, пили, гуляли, ели, строили, как одна большая семья. Сегодня уже все не так. Индивидуалистическое мышление вытеснило все остальные виды восприятия мира. «А мне что с того?» «Почему я?» «Это твои проблемы».

Отсюда и конфликтность нашего бытия. В области сознания мы — яркие индивидуалисты. Но денег нет на отдельное жилье, поэтому живем в общежитиях и снимаем комнаты, и миримся со свекровью на одной кухне, и составляем график уборки одного санузла на восемь душ жильцов. Это — страдание. Чтобы от страдания избавиться, нужно либо срочно разбогатеть, либо изменить сознание.

Быстро разбогатеть вряд ли возможно, хотя именно в эту сторону развернуты напряженные взгляды миллионов. Тем, кому сегодня двадцать, лет пятнадцать назад дядюшка Скрудж изрядно подпортил мозги, мелькая на телеэкране.

Менять сознание — процесс тоже непростой и неоднозначный. Лучше двигать оба эти процесса навстречу друг другу. Но нельзя, нельзя копировать готовые стандарты чужой жизни. То, что кажется естественным в другой среде, не может быть легко перенесено в чуждую почву, поскольку в своей родной почве оно росло столетиями.

Горячие головы, для которых все прекрасное живет непременно за океаном, предлагают даже легализовать огнестрельное оружие, как яркое проявление неприкосновенности личности. Представляю себе криминальную хронику при условии, что у каждой тещи-свекрухи и каждого зятя-невестки под подушкой револьвер. Вооруженный человек на безлюдных просторах — это начало Америки. Безоружный человек в суете мегаполиса — это конец процесса. Нам, находящимся в конце, нельзя копировать то, что у кого-то было в начале. Мы уже собраны в кучу, уже слеплены в комок условиями быта. Нам предстоит осторожно и любовно разъединяться, а не расчленяться и убегать друг от друга, оставляя за собой кровавый след.

«Мы жили ужасно, пока жили вместе. Жена устала быть буфером между мною и своей мамой. Она непрестанно мирила нас с тещей, ругалась с ней из-за меня и со мной из-за нее. Мы ушли на квартиру. Теперь ходим в гости и даже скучаем друг по другу. Теща страдает оттого, что редко видит внучку. Просит нас вернуться, но это дело решенное. Мы будем жить одни. Будем любить друг друга на расстоянии».

Описанная ситуация имеет миллионы модификаций и сводится к одному принципу. Истинным спасением является возможность маневра. Возможность менять ситуацию, а не замыкаться на

единственном варианте. Все было бы по-другому, умей мы любить. Но мы не умеем, и семейные хроники — ярчайшее тому подтверждение.

Маму бросил отец. С тех пор «мужчина» и «сволочь» для нее синонимы. Свою единственную дочку она воспитала со всем жаром одинокого сердца и, конечно, в холодной ненависти к похотливым животным, носящим брюки. «Работай, доченька, и учись. Делай карьеру. Будь самодостаточной. Будь независима от мужчин. Не доверяй им и не влюбляйся. Родишь себе ребенка, когда захочешь...». Эти безумные речи вездесущи. Что ждет девочку, выросшую у такой мамы?

Она может делать карьеру и жить с мамой, пока уходящий поезд личного счастья не просвистит в последний раз. Она может возненавидеть маму годам к сорока за испорченную жизнь, но любить маму она не перестанет. На этот симбиоз способно человеческое сердце. Так они и будут жить, то заливаясь слезами любви на груди друг у друга, то шипя и рыча одна другой, что, дескать, «ты мне жизнь испортила» — «я тебе всю жизнь отдала».

Не исключено, что на исходе молодости, на той грани, за которой цветок уже безвозвратно превращается в гербарий, дочка влюбится и будет ответно любима. О! Бедный жених. Он тоже носит брюки, он обладает всеми существенными признаками «похотливого животного». «Он пришел забрать мою девочку, мое сокровище!» — будет думать мать. То, что она и возможный зять — враги, дело решенное. Ее мозги желают дочери счастья, но сердце не привыкло подчиняться мозгам и живет самостоятельной жизнью.

Допустим, брак состоялся, а жить негде, кроме как у тещи. Спираль кошмара раскручивается неумолимо. Допустим, родились дети. «Мама будет нянчить. У мамы есть опыт. Мама все знает». Их квартира обречена стать камерой пыток и принудительных психологических экспериментов на долгие годы. Разъезжаться-то с нашими заработками доступно далеко не всем. Точкой приложения усилий станет невинный ребенок. На нем будут отрабатываться разные системы воспитания, ему будут пытаться объяснить, кто его больше любит. Он тоже вырастет калекой, хотя ни в чем не виноват.

Допустим, брак распался. Мужичонка нынче хлипкий пошел. Либо пить начнет. Либо тихонько соберет в чемодан галстуки, носки и бритву и сбежит навсегда в неизвестном направлении. Останутся под одной крышей на долгие годы три человека, часто — внучка, дочка и бабушка. Одна будет ворчать старую песню о мужиках, о том, что она все заранее знала. Вторая... о второй промолчим. А третья будет ненавидеть двух первых и мечтать побыстрее сбежать из дома. Она либо выскочит замуж, как только сможет, либо окунется в одну из субкультур, либо... Бедная девочка. Бедные люди. Бедное человечество.

Но есть другие примеры. Мой знакомый, осетин по национальности, женился на русской девушке. Привез ее на «смотрины» к бабушке в село. Старушка встретила внучатую невестку так, будто знала ее и очень долго ждала. «Доченька! Как я рада тебя видеть! Как я давно хотела тебя обнять. Мы так счастливы, что ты пришла в нашу семью. Садись, садись рядом со мной, не стой. Какое счастье!» И она нисколько не врала. Не было фальши в словах старой женщины. Последующая жизнь доказала искренность первой встречи. Она в тот день сняла с пальца перстень и одела на руку невесте внука, совсем как отец в притче о блудном сыне. Это пример поведения здоровой души, живущей в классической семье. В семье, где женщина — это женщина, мужчина — мужчина, дети — дети. Там есть место греху, страданию, аномалиям. Но мир понятий этих людей тверд и классичен. Когда я говорю, что они живут в мире классической семьи, это означает, что они внутренне, мысленно живут в правильной системе координат. В системе, с некоторых пор напрочь отсутствующей у нас.

Мы обращаем свой взгляд на Восток, когда хотим увидеть семью в ее правильном виде — многолюдном, подвижном, иерархичном. Дом пристраивается к дому, этаж громоздится на этаж, чтобы всем быть рядом друг с другом. Несколько поколений живут плечо к плечу не только потому, что так легче прокормиться и выжить. Даже в отсутствие войн и трудных времен это — способ существования. Возможно, это идеальная картинка. Тем более идеальная, что бактерии западного мышления успешно размножаются в мозгах человека любой национальности. Еще в конце XIX века философ К. Леонтьев считал среднего европейца «орудием всемирного разрушения». Жизненные стандарты, индивидуальное самосознание — это начинка троянского коня, подаренного всему миру Европой. Поэтому мы не выуживаем факты из реальности, а рассматриваем идеи. Факты же по вкусу можно подбирать и такие, и сякие. Благо, пестрота мира позволяет подтверждать иллюстрациями любую теорию. Но меня интересует баланс между индивидуальным бытием и коллективом.

Свою заповедную, закрытую от чужих глаз зону человеку хочется иметь уже потому, что у человека есть стыд. Ванная комната и уборная — это необходимейшая проза повседневной жизни, даже сплошь состоящей из поэзии. С ужасом вспоминаю уборные в армии, где три-четыре «очка» в полу не были отделены друг от друга никакими перегородками. Солдаты присаживались с сигаретами в зубах и газетами в руках рядом, справляли нужду, переговаривались. «Бойцы вспоминали прошедшие дни и битвы, где жарко рубились они». Интересно, что я пользовался такими «удобствами» без всякой интеллигентской брезгливости, а сейчас вспоминаю об этом с содроганием. Что-то подобное приходилось читать у Ремарка. Униформа, служба, тем паче, война, заставляют человека вести себя с животной простотой — простотой, в принципе, человеку не свойственной. Максимальное отвращение к войне, читая Ремарка, я ощущаю при описании обеда в окопах при неубранных трупах. Или там, где описывается живая очередь солдат, ждущих «любви» с полковыми проститутками перед генеральным наступлением. То есть в тех случаях, когда человеческий организм продолжает «жизнедействовать», а личность уже раздавлена или сильно контужена.

Нельзя, чтобы на тебя все время кто-то смотрел. Космонавты завешивают камеры наблюдения, утомленные неусыпным взглядом с Земли. Кстати, не имея укромных уголков, плаывая в невесомости месяцами в окружении одних и тех же физиономий, они — космонавты — по возвращении на Землю отказываются проходить вместе реабилитацию и часто месяцами не разговаривают с товарищами по прошлому полету. Достали! Так мучит человека вынужденный коллективизм.

Есть граница стыда, граница «моей» территории. И в той же самой армии котелок и ложка в походе должны быть свои. С этой точки зрения интересен тот факт, что на Западе, со всем его индивидуализмом и правами личности, родились идеи закрытого и непрестанно наблюдаемого жилого пространства, типа «Дом» или «Старший брат».

Авраам ходил перед Богом. Эти «ходят» перед невидимыми надзирателями. Ходят буквально, в том числе и в «00». Границы стыда стерты: все, что обычно делается тайно, теперь делается открыто, но не перед Богом, а перед всем честным народом. Происходит ритуальное выворачивание личности наизнанку.

Вывернули, посмотрели, ничего интересного не нашли, выбросили. Так свобода, доходя до крайности, превращается в свою полную противоположность. Как по мне, глиняная хатка с женской половиной, на которую чужой — не суйся, лучше «Дома-2» настолько же, насколько собственный коттедж лучше концлагеря.

Библия — основа основ и книга книг, но поостережемся внедрять любую библейскую норму в сегодняшнюю жизнь. Молодоженам в древности предписывалось после брачной ночи вывешивать простыни со следами утраченной невинности. Это был предмет гордости, выставленный на всеобщее обозрение. У нас теперь такой священной непосредственности нет. Нам стыдно. Это наша тайна, не имеющая права становиться темой для обсуждения. Конечно, во многих случаях показать было бы нечего. То, что должно было кровить, откровило свое уже много лет назад. Как раз этого мы не очень стыдимся. Кому какое дело? Нам стыдно вообще свою физиологию делать пищей чужих глаз. Из прежнего священного материализма, полуязыческого, полуветхозаветного, у нас остались скабрзные шутики перед отправлением молодых в опочивальню, застольный фольклор и т. п.

Шум и гам, продолжающийся несколько дней, тетушки, съехавшиеся невесть откуда, — восточная свадьба на северо-американских широтах. Я вспоминаю фильм «Моя большая греческая свадьба». Жизнь греков-эмигрантов показана глазами американца. Эти глаза все время круглые. Сложные родственные связи, непрерывный гул, взаимная любовь, не исключая взаимных обид и разборок — вот он, Восток, живущий на Западе по старой привычке. У этих людей что свадьба, что похороны — все по три дня. Человеку дается возможность увидеть несколько поколений людей и себя, втиснутого в эту обойму. Вот те, кто младше меня. Вот только недавно родившиеся младенцы. Вот ветхие старики, которым мои родители целуют руку. Мир представляется текущей рекой. Ты видишь и тех, кто появляется, и тех, кто готов уходить. Целостная картина перед твоими глазами, тогда как одиночка видит лишь свое отражение в витринах и меряет огромную Вселенную только своим куцым аршином.

Там, где свадьба — долгий праздник многих людей, похороны тоже — долгая общая боль. Похороны тоже соберут всех вместе, заставят говорить шепотом, сидеть у тела, молиться, обниматься со многими в скорбном приветствии. Скорбь, разделенная на всех, скоро сменится утешением — родится человек в мир, и семья соберется на крестины, на новую радость.

Многие поколения, живущие вместе, — это питательная среда для послушания, взаимопомощи, несения тягот друг Друга.

На Западе свадьба скромная и похороны быстрые. Скупое смахнем слезу, постоим молча, склонив голову, у гроба. И будем коситься на окна: когда же приедет автобус с черной полоской и увезет это отсюда? Потом покушаем, выпьем, скажем «Царство Небесное» и разойдемся. Вот она — черно-белая фотография нашей гадостной действительности. Извиняет только то, что не с нас это началось, и не в наших силах все это быстро исправить.

Церковь есть лечебница и училище. Если она не лечит, то никто не вылечит. Если она не учит, то никто не вразумит. Мы подняли в предыдущих строках большую тему. И сказали лишь малую часть того, что можно сказать по этому поводу, или по поводу тем, близких к поднятым.

Пятая Заповедь

Ребенок хочет любви и чувствует ее или ее отсутствие тоньше, чем глаз чувствует соринку.

Настали Иеремиины времена. На какую бы тему ни заговорил, рискуешь сорваться на грозные ноты осуждения, бессилия перед лицом проблем и предчувствия бед, которыми полны слова великого пророка. Мы хотим говорить о пятой заповеди. И что же? Горечь ощущает язык, собравшийся говорить, и горечь эта сильней полыни.

Дети

Десять заповедей, которые снес Моисей с горы на двух каменных досках, не делились ровно на пять и пять. Четыре и шесть — так делились заповеди: первая часть относилась к Богу, вторая — к людям. Вторая скрижаль открывалась заповедью о почитании отца и матери. Заповеди — это не смесь и не сумбур. Они логичны, последовательны, связаны изнутри. Мы можем смело, не боясь ошибиться, думать, что неисполнение пятой заповеди делает невозможным исполнение всех остальных, касающихся общежития.

Кровопролитие, воровство, похоть, зависть и всевозможная ложь становятся просто неистребимыми, если мы «перескочим» через заповедь о почитании родителей и не дадим ей должной оценки. Между тем, классическое общество распалось, отцы и дети перестали быть теми, кем быть должны, и только в силу биологии продолжают называться прежними именами. А мы не чувствуем опасности, и называем черное белым, как будто пророк не произнес «горя» на тех, кто делает это.

Из всех заповедей пятая наиболее нравится родителям. Им кажется, что эти слова обслуживают их родительские интересы и стоят на страже их прав и эгоизма. В действительности это не так. Хотя бы потому, что правильное исполнение этой заповеди предполагает наглядный пример, а значит, совместное проживание нескольких поколений. Я, как отец, должен на глазах своего сына проявить сыновнее почтение к своему отцу, т. е. дедушке моего сына. Послушание, уважение, почтение должны быть жизненными принципами, а не высокой теорией. Хорошее дело — на глазах у своего сына мыть ноги, целовать руку, отдавать лучший кусок своему отцу, и, следовательно, его дедушке. Это будет лучшим залогом выстраивания в юной душе правильной системы ценностей и залогом правильного отношения к себе на старости. Но для этого, как минимум, нужно, чтобы у твоего отца не было второй семьи, чтобы он не бросил твою маму с тобой на руках и не стал искать счастья с другой женщиной, в другом месте.

Много ли у нас семей, где три и четыре поколения живут вблизи друг к другу? Много ли семей, где словосочетание «второй муж» или «бывшая жена» являются кошмарными и нереальными?

Итак, из сказанного уже ясно, что реальность противится, а отнюдь не способствует исполнению заповеди о почитании родителей. Пойдем дальше.

Главные разрушители пятой заповеди — это не строптивые дети, а любящие родители. Это они развращают детей, избавляя их от домашнего труда, сочиняя для них «великое» будущее, лишая их счастья воспитываться в коллективе многих братьев и сестер, Они рожают одного, максимум — двух детей, думая, что уменьшение количества рожденных увеличит качество воспитания. Они превращают детей в домашние «божества» и сами превращаются в идолопоклонников. Весь жар нерастроченной

гордости и нереализованных мечтаний такие отцы и матери вкладывают в «воспитание», которое лучше бы назвать погублением или развращением.

Спесивые, изнеженные, заласканные, приготовленные для «великой будущности», эти маленькие эгоисты жестоко разочаруют своих родителей. Те на старости опомнятся и станут, быть может, требовать к себе уважения и почтения, согласно пятой заповеди. Но о каких заповедях можно будет вести речь в доме престарелых или над могилой безвременно погибшего посреди разврата молодого человека?

Отец семейства должен быть капитаном корабля. Мать и жена — помощником капитана, или боцманом, хоть и звучит это не по-женски. А дети — юнгами и матросами. Их нужно сбрасывать, как ложных богов, с пьедестала и запрягать в работу. В черном теле, а не в белом воротничке нужно держать их. К труду, а не к карманным деньгам должны привыкать их руки. Если родители этого делать не будут, то они — разрушители пятой заповеди, а значит, и уничтожители всех остальных. Рожденные ими гордецы и лентяи не остановятся на отсутствии почтения к родителям. Они начнут и красть, и убивать, и прелюбодействовать. И некому будет сказать святую фразу из Гоголя: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Классическое, или традиционное, общество рождено пятой заповедью. Там, где жена послушна мужу, а дети — маме; там, где старость в почете, а молодость в послушании, эту заповедь знают. Там не увлекаются суетным прогрессом и не готовы из-за открытия электрической энергии отказаться от тысячелетних устоев. Счастье и прогресс не только не являются синонимами. Они даже не рифмуются. Более того, часто противоречат друг другу. Вы избрали прогресс? Что ж, готовьтесь поломать всю свою жизнь до самых корней и разделить судьбу старухи у разбитого корыта. Вы стремитесь к счастью? Изберите в качестве ориентира классические ценности и стремитесь к ним, как бы их не обзывали и не обсмеивали в газетах.

Всесильный Бибиков, как свидетельствуют мемуары, не смел присесть в присутствии маменьки без ее на то разрешения. Иначе щеки «хозяина Киева» были бы отхлестаны незамедлительно. Милорадович, герой войны 1812-го года, бывал не раз сильно бит отцом за различные грехи. Если в высшем обществе таковы были отношения отцов и детей, то что сказать или подумать о простонародье, где и нравы строже, и верность навыку прочней? Именно такие люди, которые и в генеральских эполетах «съедали» смиренно отцовские и материнские пощечины, построили, укрепили и многократно отстояли нашу страну. Поколение ничтожных людей, людей без святынь и ценностей, людей, за неимением иных целей в жизни, служащих плоду своего прелюбодейного чрева, способно в считанные десятилетия растерять и разрушить все, накопленное столетиями.

Мы видим себя в европейском доме. Да будет известно нам, что этот дом — дом престарелых. Во-первых, потому, что Европа состарилась в войнах, спорах, борьбе за истину. Как старый человек, уставший жить и желающий отдохнуть, Европа уже не живет, но поживает на «заслуженном» отдыхе. Во-вторых, культура Европы — это культура распавшихся семей. Это культура узаконенного разврата, где плохо не столько то, что разврат есть, сколько то, что развратничают, не краснея. Это культура, где юноши не имеют авторитетов, а старики — иных целей, кроме путешествий в теплые края.

Европейцы умудрились нарушить все заповеди, не нарушая при этом приличий. Этим-то они и привлекательны миру. Называя войну «гуманитарной операцией», а аборт — «прерыванием беременности», называя воровство «восстановлением справедливости», а разврат — «уступкой требованиям организма», они стали центром притяжения для всех, кто ненавидит Бога, но любит личину приличия. Конечно, заповедь о почтении к родителям не осталась нетронутой.

Пенсионный фонд и социальные службы выполняют теперь то, что должны выполнять по отношению к постаревшим родителям взрослые дети. Умыть руки и сбросить с себя ответственность

— вот главная забота современного человека. И этот человек хочет счастья? Нужно выбрать одно из двух. Либо отказаться от счастья, вести жизнь, которую мы ведем, и ждать огня с неба... Либо изменить систему ценностей и повернуться лицом к простым и незаметным человеческим качествам, составляющим сердцевину нашей земной действительности.

По части веры и культуры мы — европейцы. Наши музыканты играют и Гайдна, и Моцарта. Наши ученые ориентируются в мире западных идей с той же свободой, с которой хорошая хозяйка ищет нужную вещь в своем шкафу. Все, что есть в культуре Запада, понятно нашему сердцу, ибо мы — христиане.

Но мы не полностью отданы Западу. У нашего сердца есть «восточная камера», а у мозга есть «восточное полушарие». Таджикская или афганская деревня, где гостю не показывают лица дочерей, близка нашей душе. Арабская семья, где сын бежит на голос отца, чтобы налить ему чаю или поправить подушку, также должна быть нам близка и мила.

Высшие достижения Запада нам должны быть понятны. Высшие проявления Востока нам должны быть милы. Высшие достижения Запада — это философия, наука и технологии. Высшие проявления Востока — это ценности не спеша живущего человека. Это ценности, связанные с семьей: уважение к старшим, трудолюбие, взаимопомощь, послушание и многое другое.

Технологии, оторванные от морали, поставили мир на грань выживания. Если миру суждено еще пожить, то это зависит от лучших ценностей Востока. «Чти отца и мать» — одна из них, и не у Запада учиться ее реализации.

Не боги

Ложные боги жестоки. Они требуют всецелого служения и постоянного поклонения. Но чем больше ты им служишь, тем меньше они тебя уважают. В конце концов, твое горькое рабство ложному богу делает из тебя существо униженное и бесполезное. Пережеванный и выплюнутый человек менее всего нужен тем, кому отдал все силы и весь талант.

Так на работе быстро забывают еще вчера незаменимого специалиста. Так революции сжирают собственных детей. Так стремление к славе и популярности оборачивается публичным позором и крахом всей жизни.

Перечень ложных богов довольно объемён. Но кто бы мог подумать, что там есть страничка с надписью «дети». Их тоже можно неправильно любить. Их можно превращать в богов и всю жизнь свою делать одним непрерывным богослужением. Чем это заканчивается? Не спрашивайте. Подумайте сами да присмотритесь к окружающей жизни. В тюрьмах при советской власти на стенах вешали издевательские лозунги, вроде «На свободу с чистой совестью».

Над входом в наши дома престарелых тоже можно было бы повесить плакат: «Здесь находятся те, кто всю жизнь прожил для детей». Этот плакат будет относиться к большинству старичков, которые имели семьи, рожали детей, но не воспитывали их, а служили им.

Наступило время, и повзрослевшие боги сменили шортики на костюмы, бантики на химическую завивку и отправили дряхлых предков подальше с глаз, доживать свою старость на казенном иждивении.

Конечно, процентов десять—пятнадцать могли бы написать такой текст: «Я эгоист — жил только для себя. Ни на кого не обижаюсь. Спасибо за кров и тарелку супа». Но таких будет меньшинство. У большинства к и без того горькой пилюле старости и немощи будет добавлена горечь оставленности теми, кому отданы все силы. Фотографии родителей не так уж часто увидишь на стенах

наших квартир. В основном домашние «иконостасы» состоят из фотографий «себя любимого» и, конечно, обожаемого чада. Вот вам и лакмусовая бумажка. Вот и симптомы болезни. Эгоисты и идолопоклонники. В качестве идола — плод своего чрева.

«А ну-ка, Оленька, расскажи стишочек».

«А ну-ка, Сашенька, покажи, как мишка ходит».

И Оленька лезет на табурет, Сашенька, насупив брови, идет вразвалочку. А взрослые смеются, их радости нет предела. У них такие умные и талантливые дети.

«Отнеси тарелку в умывальник», «застели постель», «убери свои игрушки». Такие речи в адрес домашних богов звучат гораздо реже. В больном сознании родителей, в их фантазиях, плывущих, как мираж, дети сплошь гении. Отсюда — пренебрежение к ремеслам и практическому труду. Ну, как же. Мы будем покорять сцену. Мы будем международными дипломатами. Мы будем управлять банком. Рожаем мало, зато одному дадим все по максимуму. Иностранный язык, фигурное катание, уроки музыки... Вроде бы все хорошо. Но если в эту муку вложить запас гордости и стремления к исключительности, хоть я и не пророк, перспектива видится мне — хлеб печали.

Стоит поинтересоваться статистикой, но кажется мне, что в арабских странах домов престарелых мало. Может быть, их там вообще нет. Мне кажется, что шустрые мальчуганы на улицах Каира или Александрии, те самые, которые продают газеты, чистят ботинки или моют машины, и здоровее, и счастливее детей Европы. У них белые зубы и веселые глаза. Они знают десятки фраз на доброй дюжине языков всего мира. Им интересно жить и вряд ли их бабушки и дедушки доживают свой век в казенном доме. Классическая семья, как ни крути, все же — великое счастье — даже если ты беден.

Этих малышей тоже зачинали в любви, рожали в муках и кормили грудью. Их любят, но они — не боги. Бог Истинный и Единый ближе к этим людям, чем к некоторым из нас, и нам есть чему у них поучиться.

Дохристианское воспитание

Мышление ассоциативно. Стоит произнести «христианское воспитание», как в сознании вспыхивает ряд картин. Это классные занятия по Закону Божию, освоение молитвослова, служба в храме, чтение катехизиса. Выучить десять заповедей, запомнить блаженства евангельские, молиться утром и вечером — это и многое другое несомненно входит в круг понятий христианского воспитания.

Но нужно признаться, что подобное изучение ставит целью воздействовать на ум, а затем через ум — на душу. Это всего лишь часть необходимой воспитательной работы. Собственно, это более образование, чем воспитание, т. е. более сообщение полезной информации, чем привитие ученику жизненно важных навыков.

Свойство жидкости — принимать форму наполняемого сосуда. Сосуды же бывают самых неудобных и вычурных форм. Они бывают внутри грязны или просто дырявы. Оттого и результаты обучения детей Закону Божию бывают пугающе далеки от ожидаемого.

Ребенок выучил молитву Господню, ознакомился со священной историей, научился изображать на себе крестное знамение, только вот помогать по дому не хочет, дерзит, лжет по временам. По мере взросления может пробовать курить, баловаться пивом, заслушиваться «попсой». Может, наконец, взбунтоваться против Церкви и перестать ходить на службы. Реакция родителей колеблется между несколькими вариантами. Это может быть обида и удивление: «Как ты можешь?! Ведь ты верующий».

Это может быть категоричное: «Он бесноватый. На отчетку его!» Или поиск виноватых: «Друзья плохие. Телевизор влияет. Улица испортила».

Нужно со всей решительностью заявить, что насыщение ума христианскими знаниями автоматически человека лучше не делает. Необходимо воздействие на все стороны личности. Нужна благоразумная строгость, трудовое воспитание, закалка воли, добрые примеры и еще многое другое. Послушание родителям, уважение к старшим, благодарность, трудолюбие, скромность, терпение, щедрость и т. д. не являются сугубо христианскими добродетелями. Эти и другие добрые качества культивировались в разных традициях. Ту сумму добродетелей, которую можно найти во «всемирной копилке нравственности», вернее, ту ее часть, которая не противоречит Евангелию, нужно прививать детям до устного наставления в вере. Этот процесс я условно называю «дохристианским воспитанием».

Говорить на эту тему вдохновляет апостол Павел. Он сказал, что не духовное вначале. Не духовное прежде, а душевное, потом духовное (1 Кор. 15:46).

Да и богословы наши, составляющие катехизисы, говорили, что «естественное» откровение предшествует «сверхъестественному». Прежде чем раскрыть Святую Книгу, нужно всмотреться в окружающий мир. За фасадом его гармоничной сложности нужно вначале почувствовать руку Великого Художника. Тогда семя Писаний ляжет на вспаханную почву.

Итак, с чего же нам начать разговор о добродетелях, предшествующих благодати? Начнем с трудолюбия.

Отучая человека от лишних забот, Христос приводил в пример птиц небесных. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но Отец Небесный питает их. Может показаться, что это проповедь безмятежности. Разуверят нас те, кто наблюдал за жизнью пернатых. Поиск пищи, строительство гнезда, кормление детенышей, бегство от хищников, перелеты в теплые края — все это делает птичью жизнь и хлопотной, и тяжелой. Речь идет не о беззаботности, а о ежедневной зависимости от Бога. Птица никак не может себя обезопасить на будущее. У нее нет ни пенсии, ни других социальных гарантий. Она не может сдавать свитые гнезда в аренду и жить на проценты. Не может замораживать червячков в холодильнике. Птицы трудятся ежедневно, и только в этом залог того, что Бог питает их.

Человек также должен быть всю жизнь деятелен. Райская заповедь «возделывать и хранить» говорит о том, что Господь создал не сибарита, а деятельное существо.

Если мы, например, из жалости не приучим ребенка трудиться (дескать, вырастет — наработается), то услуга эта будет похожа на «услугу» китайских царей своим дочерям. Чтобы подчеркнуть их благородство, им туго бинтовали ноги, так что девочки вырастали изуродованными, не могущими ходить. Затем их всю жизнь носили на руках и в паланкине, давая понять, что их высокое происхождение чуждо всякой работе, даже хождению по земле. И наши дети рискуют приобрести неисправимое душевное уродство, если не будут с малых лет застилать свою постель, уносить после еды посуду в умывальник, убирать игрушки на место и так далее.

Заповедь о труде всеобъемлюща. Она касается всех, в том числе и тех, кто родился в богатой семье и ни в чем не нуждается. Такой человек должен трудиться не для того, чтобы прокормить себя, но для того, чтобы оставаться человеком, а также для того, чтобы чувствовать сострадание к тем, кто гнет спину ради куска хлеба. Известный филантроп XIX века доктор Ф. Гааз, сострадая каторжникам, идущим по этапу, и желая почувствовать себя в их шкуре, специально в неудобной обуви прохаживал огромные расстояния. Испытав их боль как свою, он добивался смягчения участи несчастных.

Умный миллионер заставит сына на лето устроиться почтальоном или разносчиком пищи. В таком случае у миллионера будет больше уверенности в том, что, повзрослев, сын не разбазарит, а

умножит наследство. Так, к примеру, отец легендарного киевского головы XIX века И. Фундукля, прежде чем оставить сыну огромные сбережения, до тридцати лет продержал его на мелких канцелярских должностях. Расчет оправдался. Фундуклей-младший умножил отцовский капитал и чрезвычайно мудро и человеколюбиво им распорядился.

Есть сербская сказка об одном короле, который попал в кораблекрушение с женой и дочкой. Их выбросило на берег в неизвестной стране. Там, не зная ремесел, они стали пасти чужих овец, проводя жизнь нищенскую. Случилось, однако, королю той страны искать невесту своему сыну. Обошли королевство, увидели всех девиц и выбрали ослепительно красивую беднячку, дочку пастуха. Царевич предложил ей руку и сердце, но отец девушки поставил ультиматум: дочь не отдам, пока ты, царевич, не выучишь одно из ремесел. Царевич возмутился, но подчинился воле будущего тестя. Он научился плести циновки. Сплел две штуки и опять пришел свататься.

— Сколько стоит одна циновка? — спросил пастух.

— Два гроша, — ответил царевич.

— За сколько времени ты их сплел?

— За день.

— Четыре гроша в день...—подумал старик. — Ладно. Бери мою дочь.

— Спасибо, отец. Но теперь объясни, зачем тебе все это? Ведь я — царевич. Мне нужно будет управлять страной, а не плести циновки.

— Эх, сынок, — отвечал пастух. — И я был королем. Но если бы умел хотя бы плести циновки, то после потери царства моя семья жила бы чуточку лучше.

Эту сказку в силу ее универсальности можно рассказывать на уроках труда, истории, этики или на внеклассных занятиях.

Овладение ремеслом ставилось в обязанность всем еврейским юношам, посвящавшим себя изучению Закона. Именно так апостол Павел овладел своим ремеслом (шитьем палаток), благодаря которому ничто не препятствовало благовествованию: он кормился трудами своих рук и не давал повода упрекать его в корысти. Целых несколько лет он прожил в Аравии, добывая пропитание своим ремеслом, столь нужным каждой бедуинской семье. Об этом в Писании есть только одна строчка: Пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск (Гал. 1:17). За этой текстовой скупостью — годы аскетической жизни, молитв, изучения Писаний.

«Не делай из слов Закона ни золотого венца, ни лопаты», — говорили законоучители. То есть — не превращай Божественное Писание ни в способ прославиться, ни в средство заработка.

Актуальны эти слова и для нашего времени. Эпоха выдвигает своеобразный социальный заказ. Обществу нужны священники-врачи, священники-педагоги, как для более глубокого проникновения духовенства в жизнь мира, так и для большей независимости священника от людской жертвы за службы и требы.

Если бы человек был потомком обезьяны, он никогда бы не ел хлеб. Не только потому, что не додумался бы. Просто незачем было бы так тяжело и долго трудиться ради насыщения. Быстрее и легче было срывать то, что свисает с деревьев, и выкапывать то, что растет из земли.

Хлеб — самая привычная пища человека, и он же — самая трудно дающаяся пища.

Есть латышская сказка об одном пастухе, которого обессилевший от голода волк попросил есть. Пастух дал волку большой кусок хлеба.

— Какая вкусная у вас, людей, еда, — сказал волк. Если бы мы ели такую еду, то не нападали бы на ваших овец. Как ее делают?

— Это история долгая, — сказал пастух. — Вначале надо землю вспахать.

— И можно есть?!

— Нет. Погоди. Потом нужно землю засеять.

— И можно есть?!

— Да погоди ты. Я же сказал — это история долгая.

И пастух продолжил рассказывать волку длинную цепочку сельскохозяйственных операций. О том, как нужно ждть урожая, потом жать, скирдовать, молотить, сушить, молот, печь... Волк то и дело ввязывался с вопросом: «И можно есть?» А в конце сказал: «Вкусная у вас, людей, еда, но трудная. Видно, будем мы на овец ваших нападать».

Сказка эта не для волков, а для людей. О том, что еда у нас вкусная, мы знаем. А вот о том, что она у нас трудная, — забываем.

Вся жизнь человеческая — это смесь трудного и вкусного, трудного и красивого. Огромный труд стоит за светом обычной электрической лампочки или за струей воды из крана. Этот чужой труд нужно ценить, а лучший способ — трудиться самому.

Легко пачкается только то, что выстирано мамой. То, что выстирал и выгладил сам, бережется тщательнее и пачкается неохотно.

Как вы заметили, мы ничего пока не говорим о посте и молитве, о Страшном Суде и будущей жизни. Но вряд ли кто-то дерзнет заявить, что сказанное выше христиан не касается. Это — как бы «скрытое Евангелие», согласная со словом Божиим нравственность, усвоив которую, можно идти выше. Ведь для того, чтобы «обожиться», надо вначале «очеловечиться».

Впрочем, тема связи труда и воспитания касается и Личности Господа Иисуса Христа. Праведный Иосиф Обручник был «древodelом» по профессии, то есть, по-нашему, плотником.

Им Христос был обучен держать в руках долото и стамеску, сверло и рубанок. Столярные и плотницкие инструменты с тех пор донныне почти не изменились. Сын Божий тяжело зарабатывал Свой хлеб. Его спина и руки знали, что такое мускульная усталость. Прежде чем на Кресте Его глаза были залиты кровавым потом, трудовой пот выступал на Его челе.

Все это настолько восхитительно и трогательно, что ради подражания Христу стоит овладеть столярным или плотницким делом. Старец Паисий Святогорец так и поступил, освоив в юности все инструменты, которыми работал Господь.

Мысль об этом очень утешительна для преподавателей трудового обучения. Если учитель верующий, то, ничего не говоря о Боге, но лишь подразумевая трудовое детство и юность Христа, он может превратить свои уроки в уроки Закона Божия.

Ведь не только ум впитывает открыто преподаваемую информацию. Гораздо более сердце впитывает тайно, невысказанно передаваемый опыт. И пусть плоды этого «сердечного сеяния» проявятся не сразу, они будут прочней и долговечней голого «умового» знания.

В одном из своих многочисленных творений святитель Николай Сербский писал, что если бы некий юноша спросил его, что нужно сделать для здоровья своей души, то он ответил бы: «Возьми на себя попечение о ком-то». Ведь если человек ни о ком, кроме себя, не думает, то он или уже духовно мертв, или стоит на краю пропасти. Как же практически научить юного человека сопереживанию, отзывчивости, жертвенности?

Можно, к примеру, отправляя ребенка в школу и давая ему с собой бутерброд или яблоко, сказать: «Не ешь один». И яблоко, и бутерброд можно сразу разрезать надвое, чтобы легче было поделиться. Этот навык пригодится любому парню во время воинской службы. Армейские судьбы тех, кто «точит» печенье под одеялом, и тех, у кого «хлеба горбушка — и та пополам», складываются диаметрально противоположно. Не оттого ли эгоистки-мамаши, воспитавшие в одном экземпляре эгоиста-сына, так боятся отдавать его в армию?

Плохо, если отец или мать курят. Но еще хуже, если они выбрасывают окурки за окно автомобиля или под ноги на прогулке. Это неуважение ко всем, кто идет той же дорогой, и особенно к дворнику, который эту дорогу по утрам метет.

Убрать за собой весь мусор после пикника, тщательно затушить костер — все это очень воспитательно. В этом есть и уважение к людям, которые придут сюда отдохнуть после нас, и бережное отношение к природе.

Там, где жизнь сурова, а человеческие жилища далеки друг от друга, заботливые мысли о незнакомцах, о случайных путниках — залог выживания. Для них на зимовьях оставляются еда и спички. Ради них в горах, уходя, не запирали двери и оставляли на столе хлеб. Но городская культура выветривает из жизни мысль о ближнем, тревогу о нем. Значит — дело за воспитанием.

Все, что окружает нас, сотворено Богом или сделано людьми. Люди построили дома и вымостили дороги. Небо, земля и источники вод со всем, что живет в них, — дело Божие.

В любом одуванчике, в любом майском жуке больше творческой премудрости, чем в «Титанике» или «Шаттле». Человек должен любить мир и удивляться ему. Как ни мала Земля в просторах космоса и как ни микроскопичен человек на планете, все же ради него — человека и Млечный путь, и смена времен года.

Епископ Каллист (Уэр) говорит, что слова «не ломай деревья» могут быть заповедью для современного человека.

Адам был сотворен последним и введен в уже готовый мир, как царь — в построенный дворец. И на него легла ответственность за все, сотворенное ранее. Эту ответственность с Адама и его детей никто не снимал.

Не нужно впадать в крайности восточных учений, таких, как джайнизм, где люди метут перед собой метлами дорогу, чтобы не раздавить жучка, а рот закрывают марлей, чтобы не проглотить мошку. Но и относиться к миру, как безмозглый тиран, — нельзя.

Схиархимандрит Софроний в книге о старце Силуане вспоминает такой эпизод. Они со старцем шли по одной из крутых афонских троп. В руке у Софрония была палка, и он, махнув ею, ударил по кусту. Подрубленная ветка повисла, а старец посмотрел на ученика. В его взгляде была скорбь и вопрос: «Зачем?»

Этот же вопрос надо задавать ребенку, обрывающему цветы, чтобы через пять-десять минут их выбросить. Дело не в том, что растению «больно», а в том, что мир — это наш дом, и вести себя в нем надо, подобно мудрому хозяину.

Кстати, Господь, по мысли еврейских толковников Закона, и сотворил человека одного, а не сразу множество, как Ангелов, чтобы каждый из нас чувствовал на своих плечах святую тяжесть персональной ответственности за мир.

Выше мы немного сказали о труде. Этот разговор требует логического продолжения в теме пищи. Труд и еда неразрывно связаны. Классическое Павлово «кто не работает, тот не ест» полюбили даже в Советском Союзе. Цитата из Нового Завета без указания книги, главы и стиха висела в виде транспарантов на многих улицах страны «победившего социализма».

Некоторые другие цитаты из прошлого нам также сегодня могут пригодиться. «Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб — драгоценность. Им не сори». Этот плакат из школьной столовой моего детства я бы повесил и в современных школах.

Есть древний рассказ о двух монахах, живших неподалеку. Один из них возделывал огород и ел то, что выращивал сам. Рядом тек ручей, откуда монахи брали воду. В этот ручей монах-огородник выбрасывал по временам пищу, которую не съел. Второй заметил это и стал подбирать недоеденное (это были бобы). Он промыл их и переварил, добавил чего-то еще и пригласил соседа в воскресенье на трапезу.

— Нравится ли тебе моя еда? — спросил он соседа.

— Да, очень. — отвечал тот.

— Прости, но это то, что ты выбрасываешь.

Устыдившись, монах с тех пор готовил столько, сколько мог или хотел съесть.

Пищу нельзя выбрасывать. Это — дар Божий. Грешно искать нового, если не съели старое. Сегодняшние дети, по вине взрослых, страшно разбалованы в этом отношении. Без исправления ситуации в этом вопросе мы ни шагу вперед не сделаем в нравственном воспитании, сколько бы молитв мы ни выучили.

Лучшая и вкуснейшая еда — это не чипсы, не шоколадные батончики, а хлеб, молоко и овощи. Лучшее питье — не «Кока-Кола» и не «Спрайт», а вода. Чтобы это понять, нужны голод и жажда. Голод, как известно, — лучшая приправа.

Ребенку нужно вернуть вкус обычной пищи. Ян Амос Каменский говорил, что если ребенок просит есть, надо дать ему хлеба. Если ребенок не хочет хлеба, значит, он не хочет есть. Это разбалованная гортань хочет новых ощущений. И именно здесь одна из причин нервности, своеволия, капризов.

Современный человек вообще жует все чаще и постепенно приближается по частоте работы языка и челюстей к травоядным. Сигареты, кофе, жвачки между приемами пищи — это каскад вкусовых ощущений, без которых многим уже не обойтись. Без сомнения, это разновидность рабства и отступления от естественности.

Когда взрослые спрашивают, как поститься их детям, я думаю, что не творог и яйца должны в первую очередь исчезнуть из рациона на сорок дней. В первую очередь должны исчезнуть конфеты, пирожные, жвачки. Должно исчезнуть все, развращающее вкус и портящее одновременно зубы и желудок. Кстати, и телевизор на время поста было бы недурно завешивать «траурной тафтой». Но об этом попозже.

Человек — существо словесное. О том, что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести», достаточно сказано у поэтов и писателей. Но в практическую область, в сферу воспитания тема правильного и аккуратного отношения к слову проникла слабо.

Во-первых — «волшебные слова». «Здравствуйте», «пожалуйста», «спасибо», «будьте здоровы», «всего вам доброго» — эти простые и необходимые атрибуты речевого этикета должны быть заучены раньше и лучше таблицы умножения.

Во-вторых — слово надо держать. Наша говорливая эпоха уже приучила людей к тому, что можно говорить и не делать. Этот антипринцип прослеживается на всех уровнях: от невыполнения предвыборных обещаний до подросткового «приду в десять», хотя придет в двенадцать. Слово надо держать в отношении любых обещаний и обязательств. Сказал «верну» — верни. Сказал «завтра» — значит, завтра, а не через неделю.

Приучая себя самих, своих детей и воспитанников бережно и точно обращаться со словом, мы тем самым облегчаем себе и им стояние на Страшном Суде. Ибо «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Умение правильно пользоваться речью неразрывно связано с умением молчать.

Язык по временам нужно прикусывать, чтобы:

- не выболтать чужую тайну,
- не лезть с советами, когда тебя не просят,
- не перебивать собеседника,
- не встревать в чужой разговор.

Древние сказали, что у человека язык спрятан за двойной преградой — губами и зубами, для того, чтобы не каждое слово слетало с языка. Кстати, умеющий молчать, как правило, в словах точен. Его речь — доношенный ребенок. Учиться этому можно у спартанцев. Это их матери, отправляя сыновей на войну, давали им щит и говорили только: «С ним или на нем». Однажды враги прислали спартанцам угрожающее письмо. Там говорилось, что если противник ворвется в Спарту, то женщины станут рабынями, мужчины умрут, дома сгорят, богатства будут разграблены. Спартанцы ответили: «Если».

Умение молчать собирает воедино рассеивающийся ум. Собранные, как лучи в линзе, мысли согревают сердце. И уже тогда в сердце рождаются нужные слова, ибо от «избытка сердца говорят уста».

В Писании эта тема раскрыта глубже всего у апостола Иакова, в соборном послании (Иак. 3:1—12), а также в многочисленных притчах Соломона. Например: От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб (Притч. 14:23). Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа (Притч. 15:4). Язык глупого — гибель для него, и уста его — сеть для души его (Притч. 18:7).

Отметим, что тексты эти не содержат догматов веры, но одни лишь правила жизни. С ними и неверующему трудно не согласиться. Так, извлекая из Библии нравственные уроки, мы, быть может, впервые открываем ее человеку и поселяем в нем уважение к Писанию.

Теперь несколько слов о телевидении. Само по себе это лишь средство, и люди наполняют его тем, чем питается их сердце. Если сердца людей питаются прахом, сплетнями и страстями, то на ведущих каналах трудно найти что-либо другое.

Хотя при изобретении способа передачи образа на расстоянии (телевидение) первой картинкой был православный крест.

Известен следующий случай. При прокладке по дну Атлантики кабеля для информационной связи между Старым и Новым Светом, континенты обменялись приветствиями. Из Европы пришло: «Свобода. Равенство. Братство». Из Америки ответили: «Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки». Очевидно, что дело не в кабеле, а в том, кто о чем думает из числа людей, отправляющих информацию. Так и наш телевизор. Неокрепшему человеку он может сформировать уродливую картину мира. Кулачные и огнестрельные разборки, прожигание времени в ночных клубах, постельные упражнения и т. п. в реальной жизни занимают вовсе не так много места, как им отводится на экране.

В жизни реальной есть все жанры: трагедия, драма, фарс, комедия, боевик. Только смонтированы эти разножанровые части так, что любому кинозрителю слабо скопировать. И реальность всегда превосходит фантастику своей неожиданностью.

Человек приходит в мир не по своей воле. Перед ним стоит задача понять мир и найти себя в нем. О том, что жизнь — это не загородная прогулка, нужно осторожно говорить человеку с ранних лет. Кроме журнальных и киношных красавиц есть больницы, есть немощная старость. Кроме дорожных костюмов от кутюр есть ужасающая бедность, до сих пор охватывающая полмира. Все это, впрочем, тоже может быть на экране. Тюрьмы, кровь, смерть.

Несправедливость, отчаяние, агония. Но в том-то и дело, что телеэкран чаще всего или пугает, или смешит, или рождает грезы. А все это плохо помогает воспитанию. От сладкого не только портятся зубы, но и расстраивается аппетит. От телевизора не только болят глаза, но и извращается мировоззрение.

Вообще, подход к телевидению вместим в два слова: избирательность и дозирование. То есть смотрим недолго и только то, что одобрили взрослые.

Все вышесказанное рождает и еще одну тему. Ребенок — вовсе не просто объект воспитания. Он еще и субъект действия и познания. Он — неповторимая личность.

Разные глыбы мрамора по-разному реагируют на молоток скульптора. Неужели дети одинаково реагируют на воздействие взрослых? Конечно, нет. К каждому нужен свой подход, нужна педагогическая чуткость. Может быть, в желании воспользоваться готовым шаблоном кроется ошибка многих родителей и педагогов. Ребенок хочет любви и чувствует ее или ее отсутствие тоньше, чем глаз чувствует соринку. Любая строгость простится и любое лишение будет не в тягость, если сердце ребенка будет чувствовать любовь наставника. Без любви в воспитание лучше не соваться.

И еще — не стоит браться за труд воспитания, если сам не хочешь учиться, если уверен, что все знаешь.

Воспитание — это всегда диалог. Словесный или бессловесный, но — диалог. Учитель продолжает учиться, и только тогда может увлечь ученика, раскрыть заложенное в нем и общаться на уровне «от сердца к сердцу», а не «от мозгов к мозгам» или «от розги к заднице».

Затронув тему диалога, вспомним о том, что Сократ учил, разговаривая. Он спрашивал, слушал внимательно, думал, отвечал на вопросы. Так же, прогуливаясь и беседуя, проводили занятия с учениками легендарной платоновской Академии.

Наш мир искусство диалога потерял. Сегодня, чтобы провести дебаты, соперникам нужен судья, медиатор. Он будет задавать регламент, давать и отнимать право слова, утихомиривать. Иначе дебаты превратятся в птичий базар. Все будут галдеть, перекрикивать, перебивать. А потом еще и подерутся.

Нам нужно возвращать в жизнь искусство диалога, и учитель (родитель), беседующий с учениками (детьми), может научить их самих уважать, выслушивать собеседников.

Вот мы уже сколько всего сказали и вспомнили. А между тем еще не объяснили смысл молитвы «Отче наш» и не научили ученика креститься. Хотя мы говорим о христианском воспитании. Простите, о «до-христианском» воспитании, но таком, которое создает человеку личностно-нравственный фундамент. Потом на этом фундаменте строй: хочешь — собор, хочешь — маленькую часовню. Подуют ветры, польются воды, упрутся в строение и не повалят его. Потому как — фундамент есть.

Каждый мальчик хочет быть храбрым, ловким и мускулистым. Каждая девочка хочет быть красивой до неотразимости. На реализацию этих желаний работает спортивная индустрия, косметическая промышленность и медицина, да и мало ли еще кто. Но нам стоит помнить, что гораздо больше красоты и силы мышц человеку нужна будет в жизни сила воли. Эта внутренняя, то запрещающая, то повелевающая сила способна худенького парнишку сделать храбрее любого бойца, а трудолюбивому середнячку подарить больший успех, чем талантливому разгильдяю.

Сила воли воспитывается там, где чувство долга и ответственности заставляет делать то, что не хочется, и там, где нравственный закон запрещает делать то, что хочется. Хочется похохотать на физкультуре над неудачным прыжком товарища. Но ведь ему обидно, и значит — нельзя. Не хочется пылесосить в комнате или выносить мусор, но это твои обязанности, и значит — надо.

Нить накала нашей жизни горит между полюсами «хорошо» и «плохо». На первой стороне размещен императив «надо» (хотя не всегда хочется). На второй — «нельзя». Если же мы позволим себе жить по-прежнему, «хочу — не хочу», то из реки, текущей между двух берегов, жизнь превратится в бесформенную и бесполезную лужу.

Какой лозунг можно начертать на знамени юноши? Один из хороших вариантов — «учись у всех». Учиться нужно всю жизнь и привить любовь к этому нужно с детства и юности. Один из твоих друзей бегаёт по утрам — учись у него этому. Другой — самозабвенно учит один или два иностранных языка. Вот и еще добрый пример для подражания. Кто-то аккуратен в одежде. Кто-то нетерпим к несправедливости. Кто-то учтив со старшими. Все люди — это книги. Большею частью непрочитанные, пылящиеся на полке. «Учись всему доброму, что видишь в друзьях и знакомых», — так сказал бы я юноше, желающему жить правильно.

— Батюшка, мой сын совсем от рук отбился. С женой разошелся, пьет...

— Батюшка, помолитесь о моем сыне. Грубый стал, дерзкий. Никого не слушает. Работу бросил...

— Ой, батюшка. Что с моей дочкой делается? Стыдно сказать...

Подобные жалобы и просьбы священники выслушивают чаще, чем рядовой гражданин — прогноз погоды. Но отмаливать 25-летнего неправильно живущего человека — это отмывать грязь, копившуюся двадцать пять лет. Труд — более нелегкий, чем «из болота тащить бегемота».

Церковь не действует магически: отчитали — все прошло; в храме был — и все в порядке. Детей нужно воспитывать.

Будем считать, что мы всего лишь открыли тему.

О воспитании взрослых

Люди, умеющие составлять точный прогноз погоды, обязаны разбираться в вопросах нравственности. Об этом ясно говорится в Евангелии. Различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете? (Мф. 16:3). Хватает ума предсказать дождь или засуху — должно хватить ума и на различение явлений духовных.

Мы с нашими ежедневными прогнозами, метеорологическими службами и спутниками погоды так далеко зашли в изучении мира, что на Суде будем безответны. Лицо неба и земли мы научились различать прекрасно. Отсутствие духовного разума в таком случае приобретает характер осуждающий и угрожающий. Та цивилизация, которой мы гордимся и которая временами грозит нам небывалыми проблемами, повышает к своим создателям нравственные требования. Уж что-что, а то, что у нас, людей, ума не хватает, что мы глупые и поэтому, дескать, грешили и ошибались, сказать никто не сможет. Умные мы, и даже очень, только не в ту сторону. Лицо неба и земли различать научились, а с собой разобраться не можем.

Для диагноза медицинского важно все: и малейший прыщик, и покраснение глаз, и беспокойный сон. Так же важны бытовые «мелочи» в оценке духовного состояния. О чем говорим, во что одеваемся. Все это — важные признаки внутреннего состояния. Компьютеризация, пластиковые паспорта и пресловутые три шестерки теряют свою важность, мнимую или действительную, стоит обратить взор на простые черты повседневности, осознанные как диагноз или пророчество.

Многое из того, что мы раньше считали нормальным, сегодня размылось. Вот вы, например, можете себе представить в 70-х годах курящую крестьянку? Представить, чтобы женщина в селе шла по улице и курила? Нет, не можете. Сельская молодлица с «примой» в зубах — знак глубокого сдвига в психологии людей. Появились многие вещи, которые ранее были просто невообразимы. В одежде, в речевом этикете, в других вещах. Вот такая простая вещь: курить — грех или не грех? Одни скажут — это страшный грех, другие — это простительный грех по сравнению с остальными, третьи скажут, что это вообще не грех. Но однозначно то, что сдвиг произошел. Человек не мог раньше чего-то сделать — ему было стыдно. Но вот прошло немного времени, и уже не стыдно. А еще немного времени пройдет, и уже будет стыдно так не делать.

Помню, пришли две девушки на причастие. Милые с виду, свежие и невинные. Так, по крайней мере, казалось. Исповедались, пошли к Чаше. Открывают рот, а у каждой во рту, на языке — металлический шарик. Об него лжица звякает при причастии. Откуда это? Что это за ужас? Где глаза у матерей, где их мозги и совесть? Ведь виноваты матери! И отцы, конечно. Нужно быть до конца сумасшедшим, сгнившим от разврата человеком, или просто животным, чтобы не замечать такие вещи у детей, а заметив, не реагировать. Если вы хотите поговорить об антихристе, то обратите внимание на подобные детали. Они поважнее будут, чем карточки из пластика и цифры «шесть».

Или еще пример. Парень хочет быть крестным отцом. Приходит на беседу. Весь в наколках. Мочки ушей, шея, руки — все в наколках. Говорю: «Хочешь быть крестным?» Говорит: «Хочу». Страшно отогнать человека, отругать и оттолкнуть. Может, это был его единственный шанс на воцерковление, и все твои добрые дела потеряют цену, если ты его оттолкнешь. Но когда он пришел причащаться и открыл рот, то всем стало плохо — и дьякону, и мне, и пономарю. У человека язык разрезан сантиметров на пять и раздваивается, как у змеи! Как можно дойти до такого безумия?! А ведь он не один такой. Ветхий Завет строжайше запрещал всякие рисунки и надрезы на теле. А мы умудрились испортиться из-за того, что Новый Завет возвестил нам прощение. Прощение и любовь многие поняли как безнаказанность и, соответственно, повод к греху. Вот это бытовое сумасшествие пугает меня гораздо больше всяких цифр, в том числе — шестерок. Прислушайтесь, о чем люди

говорят, что обсуждают, к себе прислушайтесь — и вам станет страшно. У Гамлета дядя отравил отца и на матери женился. Гамлет сказал: «Прогнило что-то в Датском королевстве». А у нас кто кого убил и кто на ком женился в обход закона, что все так прогнило? И при этом мы продолжаем мечтать о беспримесной, стопроцентной святости. Рассуждаем о бесстрастии, читаем книги отцов. А рядом, через стенку, воскрешаются древние языческие культы. Дьявол сеет людей, как пшеницу. Мне очень больно осознавать это и об этом говорить.

Антоний Великий говорил, что наступит такое время, когда десять больных соберутся вокруг одного здорового и скажут ему: «Ты самый больной, потому что не похож на нас». То есть деградация моральных принципов может привести к тому, что стыдно будет не грешить. Скажут: «А чего это ты? Мы все это уже познали, постигли, поняли, ощутили, нам уже надоело, а ты еще не начал». И человек вынужден будет грешить за компанию. За компанию трудно не грешить. Паисий Афонский говорил, что если на светофоре соберется толпа людей, и все пойдут на «зеленый», то тебе останется только ноги передвигать. Толпа сама тебя понесет. Те же механизмы действуют и в вопросах моральных. Вот под таким прессом находятся наши дети. Им может быть стыдно, что они невинны, они могут как тяжесть и неполноценность ощущать свое целомудрие! Не Содом ли это ожил и воцарился? При этом, чем больше город, тем больше схожих с Содомом черт. Мы продолжаем называть Киев святым городом и матерью городов русских. Москва для нас — белокаменна, и церквей в ней — сорок сороков. Но это — долг памяти и исторических ассоциаций. Если содомской идеологии где-то уютно, то именно в Москве, Киеве и подобных мегаполисах.

2

Меня занимает следующая мысль. Каждое новое поколение детей лучше, чем те, кто их родил. Детей родили люди взрослые, уже с актуализированным опытом греха. А эти невинными родились, в них греха нет, то есть личного греха. В них есть грех как семя, но не грех как факт. (О том, что грех есть некое семя, мы говорим в молитвах: семя тли, т. е. тления во мне есть.) А потом, когда жизнь проживают, доходят до старости, то говорят: «Э, да. Сегодня делаются такие вещи, о которых мы даже не слышали». Мир пошел дальше в плане свободы грешить. И как так получается, что невинные дети, вырастая, становятся хуже поколения своих родителей? Что этому виной? Пафос борьбы за свободу и личное достоинство, пафос, которым насыщен воздух истории, часто есть пафос борьбы за возможность грешить и не каяться, возможность творить «волю свою» и только свою. Человек рождается нежным и гибким, без навыков к греху, хотя и со склонностью к нему. Воспитай его, вложи в него время, силу и благие мысли. Он, быть может, мир удивит высотой своей жизни. Вместо этого мы погружаем ребенка в атмосферу расслабленности. Мы восхищаемся им, балуем его. Потом он вырастает и очень удивляется, почему мы начали ругаться? Раньше он показывал фокусы, смеялся, шалил и шумел, а мы все смеялись. Теперь он тоже шалит, правда, по-взрослому, а мы почему-то не смеемся. Нестыковочка получается. Сформировали человеку модель поведения, а теперь перестали радоваться, когда он по этой модели живет. Шалит он, а виноваты мы. Мы воспитали его, как домашнего бога, то есть идола. Идолы, предупреждаю вас, жестоки и безжалостны.

Что такое свобода? В христианском понимании это свобода от греха. Где Дух Господний — там свобода. Я могу сопротивляться окружающим обстоятельствам. Значит, я свободнее тех, кто поступает, исходя из того, где он и кто с ним. Я ношу то, что мне нравится. Я свободнее тех, кто напяливает на себя тряпки по моде и с презрением отбрасывает вчерашние модные тряпки, устаревшие к нынешнему моменту. Мы свободны всегда, когда у нас есть твердые ориентиры, когда наше сердце «занято» и ум работает. Иначе мы — рабы, чьи цепи украшены блестками по моде. Мы — тупые рабы, которым весело при взгляде на эти блестки. Христос пришел дать нам жизнь и силу, ум и свободу. Без Него мы — посмешище и ничтожество. В Нем наша подлинная свобода. Когда евреи думали гордиться

своим происхождением от Авраама, Христос говорил им, что всякий, делающий грех, есть раб греха (Ин. 8:34). Вот от чего Он пришел нас освободить.

Но есть и другая свобода — это свобода грешить, причем, чтобы тебя за это и не ругали. Один проницательный и остроумный человек (Гилберт Честертон) сказал, что весь современный мир напичкан христианскими идеями, которые сошли с ума. Христианская идея свободы превратилась в свою противоположность, христианская идея о равенстве мужчин и женщин превратилась в свою противоположность и другие христианские идеи превратились в свои противоположности. Это очень меткое выражение — «христианские истины, сошедшие с ума». Смотрите: бывшие христиане, то есть бывший христианский мир, сильно переживает о климате на планете, строит питомники для бездомных животных, кричит о равенстве, о свободе, о правах. Вместе с тем, нет ни слова о борьбе с грехом, о молитве. Под свободой понимается свобода избирательных прав, свобода смены половой идентификации — что угодно, только не свобода от греха. Налицо отказ от Бога при сохранении активности в делах любви и справедливости. Но без Бога это уже «не та» любовь и «не та» справедливость.

Апостол Павел в Послании к Галатам пишет, что во Христе Иисусе нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал. 3:28). Есть такие слова и вы их наверняка хотя бы раз в жизни слышали. Но можно жизнь и без Христа, и без Его благодати превратить в такую, что действительно не разберешь, где мужеский пол, а где женский. Это будет проповедь Павла наоборот, вернее, доказательство Павловой правоты от обратного. Смотришь на людей иногда, и уже не ясно, кто это: мужеский пол это или женский? Знаете, что недавно зарегистрировали первого человека, у которого в метрике записано, что он бесполой. То есть, не знают, кто он. Почему не знают? Родился мужик, хотел быть бабой — ему, соответственно, сделали что-то, чтобы он был этим, а не тем. Потом ему надоело быть бабой, но он мужиком стать обратно тоже не захотел. Не захотел на операцию снова ложиться. И теперь не понятно, кто он. Был мужчиной, потом — женщиной. Теперь ему написали — бесполой. То есть, буквально не разберешь, где мужеский пол, а где женский. Апостол Павел говорил о благодати и святости, в свете которых стираются различия. А мир придумал иные формы и способы смешать одно с другим без всякой святости, так что не запутаешься. Женщина зарабатывает и кормит семью — сильный мужчина пролеживает жизнь на диване. Мужчина делает химическую завивку — женщина кладет асфальт или служит в армии. Дети зачинаются в пробирке. Одежда перестала быть выражением пола. Спорт, бизнес, половые извращения перемешали полы, сделали их трудно различимыми.

Мир посмеялся над Павловой проповедью и исполнил его слова по-своему.

Так к чему я это говорю? Поступательная жизнь человечества ведет к большей свободе грешить, к меньшим укорам совести, и что самое страшное, как мне кажется, остается все меньше и меньше способности греху сопротивляться. Это закон больших чисел. Тот же самый, что и в случае с пешеходным переходом. Когда все в селе в Великую Пятницу не едят, и в ночь с субботы на воскресенье Пасхальную службу все стоят в храме, тогда самый грешный человек немножко свят. Он со всеми, а все молятся. Но когда в селе, в котором 500 дворов, только десять человек в Великую Пятницу не едят, а все остальные — как пили, так и пьют, как ели, так и едят, и только двадцать человек стоят на Пасхальной службе, тогда самый святой человек имеет соблазн стать грешником. А уж про грешного человека и говорить нечего. Это и есть некие законы больших чисел: хочешь-не хочешь, но если все постятся, то и ты худо-бедно подтягиваешься. Если никто не постится, то тебе очень тяжело. Образом такого жития апостол Петр называет жизнь Лота в Содоме. Этот праведник непрестанно мучился в душе своей, видя и слыша дела беззаконные.

Вернемся к ранее сказанному. Рождаются дети святыми, а вырастают грешниками, и каждое новое поколение грешников хуже, чем то, что его родило. То есть, родили мы ребенка, который лучше нас, а когда мы уже старенькие, а он молодой и сильный, то он хуже нас вышел. Такая странность получилась. Мы ищем виновных и говорим: куда смотрит государство, Церковь? Что же это такое? Почему в мире так происходит, что наши дети все хуже и хуже становятся? А потому, что если взрослых не исправить, дети не исправятся. Когда мы садимся в самолет, стюардесса рассказывает нам и показывает на себе правила обращения со спасательным жилетом и кислородной маской. Мы слушаем ее вполуха, но одну вещь все же стоит запомнить. Если возникает опасность разгерметизации и нужно воспользоваться кислородной маской, то кому ее надо первому надевать, если вы путешествуете с ребенком? Первая мысль — ребенку. Ну как же иначе? Все лучшее — детям. «Титаник» тонет, первые шлюпки — детям и женщинам. Правила же обязывают надеть маску вначале самому, а затем надеть ее ребенку. Дай Бог никогда не пользоваться на практике этими знаниями, но через этот пример мы сталкиваемся с очень важным законом. Чтобы спасти ребенка, нужно вначале спасать взрослого. Спасенный взрослый спасет и ребенка. Погибший взрослый станет косвенной причиной гибели тех, кто без его помощи обойтись не может.

Взрослые обычно считают, что, мол, я уже ладно, меня уже поздно исправлять. Да и что мне уже?.. Но вот дети мои! Мои дети! О! Они должны быть лучше. Это страшная ложь и опасная иллюзия. Если ты лучше не будешь, они лучше не будут никогда. Взрослые и дети — это сообщающиеся сосуды: наливаешь в одно — пополняется другое. В конце концов, сама жизнь человеческая — это органическое единство. Не механическое, а именно органическое единство. Если, например, мы сложили в кучу тысячу камней, полили один камень, все остальные оставили сухими — это механическое единство мертвых предметов. А если мы, например, полили дерево, полили корни, то хорошо стало и ветвям, и листьям. Это — органическое единство. И в мире людей так. Одному хорошо — и вслед за ним всем хорошо. Одному плохо — вслед за ним остальным плохо. Если родители не ставят перед собой Цели очищаться, исправляться, приближаться к Богу, то нет никакого толку в том, что они страстно желают, чтобы их дети были лучше. Мне кажется, что это самая важная вещь в разговоре о семье.

3

Достоевский однажды сказал, что люди гораздо больше поняли, нежели сумели высказать. То есть, интуитивно человек понимает гораздо больше, чем может объяснить. Вот, например, женщины. Они не все могут объяснить, но понимают гораздо больше мужчин иногда. У них аппарат обработки информации — мозг — тормозит, но аппарат получения истины — сердце — работает. Она на тебя часто смотрит, как то самое известное домашнее животное, преданное, которое душу за тебя отдаст. Она все понимает, но сказать не может. Если начнет говорить, то станет жалко: лучше бы молчала. Но понимает все абсолютно верно и глубоко. Я, конечно, здесь немного намеренно преувеличиваю. Один умный человек сказал, что нет такой вещи, которую женщина не могла бы понять и объяснить, просто ей это не интересно. У нее есть другие занятия. Но оставим эти иллюстрации.

Итак, люди гораздо больше понимают, чем могут объяснить, и когда они объясняются между собою, то гораздо больше передают друг другу интуитивно, нежели вербально. Люди интуитивно считывают друг с друга информацию. Привычки, повадки, акцент речи — отсюда, от общения душ и взаимовлияния. Мы, христиане веры восточной, не такие крайние рационалисты, как христиане западных исповеданий. У тех ratio — это самое главное. А у нас ratio на своем месте, оно почитаемо, но оно не абсолютно. Мы с вами должны прекрасно понимать, что учить кого-то чему-то — это не значит посадить его перед собой и говорить с ним. Учить кого-то чему-то — это, например, вместе вскопать грядку. Даже не вскопать грядку, а просто заварить чаю, и поговорить о чем-то нейтральном, не обязательно о чем-то архивысоком или архисложном. Просто общаться — это тоже учить, потому

что если в тебе что-то хорошее есть, то ты будешь передавать это, даже если не захочешь. Человек в силу некоей необходимости, в силу царского достоинства своего либо оскверняет окружающий мир, либо освящает его, даже если он специально ничего не делает. Он просто делится тем, что в нем есть, его содержание таинственно исходит от него. Оно выходит в мир, конечно через речь, но не только. Ничуть не меньше это внутреннее содержание изливается в мир через глаза и руки, через мысль. Молча делать что-либо полезное на глазах у человека — это тоже процесс образования и воспитания.

Мы ведь знаем, что человек может говорить правильные вещи, но разрушать их своими делами. Мы помним латинскую поговорку, гласящую, что «слова увлекают, а примеры тянут». Можно ничего не говорить, но, тем не менее, воспитывать. Я уже много раз повторил эту мысль, в надежде на то, что повторение — мать учения. А истина эта забыта, и нужно потрудиться ради водворения ее на достойное место. Поэтому, когда у нас возникает вопрос о наших детях, об их воспитании, то здесь, безусловно, гораздо больший вес имеет наше собственное бытовое поведение и наша повседневная жизнь, нежели какие-то правильные слова. Например, психологи говорят, что если ребенок не видел в раннем детстве родителей работающими: пилящими, строгающими, пишущими, думающими, варящими, стирающими, после еды убирающими — попросту, работающими и уставшими после работы, то невозможно научить затем ребенка работать. Можно бубнить и жужжать над ним, стоять над ним, как надзиратель с колотушкой: «Работать надо, работать надо, работать надо», — а он так и не научится работать. Что-то очень важное пропустил он, не видел, не показали мы ему. В каком-то очень раннем возрасте не считана душой важная информация, ребенок чего-то не видел и уже не увидит, поскольку поздно.

Человек может быть просто-напросто искалечен отсутствием положительного опыта. Ведь мы, по Аристотелю, «животные социальные». Лишившись, например, человеческого общества в раннем детстве, мы рискуем не стать человеком. Всем знакома сказка «Маугли». Но не все знают, что подобные вещи случались в действительности, только романтики в них было поменьше. В Индии неоднократно случалось, что «человеческих детенышей» воспитывали хищники. Уполз малыш из хижины на краю джунглей в лес и пропал. А через пару лет его нашли охотники в стае волков. Такое, повторяю, было. Удивительно, что волки не съедали детей, но вскармливали и воспитывали. Дети, конечно, не разговаривали, бегали на четвереньках, выли на луну и так далее. Будучи возвращенными в общество людей, они так и не выучивались говорить, одеваться, есть за столом, вилкой. Эти дети вскоре умирали от тоски, как дикие звери — в неволе. Ряд таких случаев подробно описан. Это очень яркий пример того, что упущения в воспитании могут принять необратимый характер. Человек разговаривает, ест ложкой, на луну не воеет, но это еще не гарантия, что в душе он — не Шариков, то есть не говорящее животное. И чем так страшны войны и революции, как не тем, что с человека снимается тонкая культурная пленка и наружу выглядывает звериная морда непреображенного внутреннего человека?

Итак, ты — человек, но то, что ты в 3 года не получил, ты в 10 лет уже не догонишь. И то, что в 10 лет ты не получил, ты в 16 лет не догонишь. И то, что ты в 16 лет не получил, в 30 лет даже и не мечтай об этом. Почему мы часто повторяем слова игумена Никона Воробьева, который говорил: «Нам оставлено покаяние». Это — классическая фраза, которая очень часто повторяется, чаще всего к делу, иногда и не к делу. Там, где к делу, это что означает? Что мы уже не сможем сделать что-нибудь такое очень большое, поскольку фундамента нет. Мы не сможем прыгнуть высоко, взлететь, достичь высот. Поэтому, нравится, не нравится, а нам оставлено только покаяние. Дело сгорит, построенный дом сгорит, а сам спасешься, словно из огня. Спасешься, как выхваченная из костра головешка.

Это потому, что фундамент нам не заложили, базы нет, опереться не на что. Может, это мы, наше поколение, будем базой для будущих поколений, может быть. Тогда они, а не мы, смогут сделать

что-то истинно великое, став на грунт предыдущего поколения, то есть нас. Большое без маленького не существует. Это тоже закон.

Апостол Павел пишет, что не духовное прежде, а душевное, потом духовное. (1 Кор. 15:46). Православный человек склонен часто перемаливать свои проблемы. И знаете, наши минусы — это продолжение наших плюсов. Поясню примером. У меня была прихожанка такая, которая говорила: «Батюшка, помолитесь, у меня кран течет». Я ей говорил то, что любой бы сказал: «Не нужно молиться, когда кран течет, нужно звать сантехника. Если нет денег — поможем, если есть — платите ему сами». Здесь нужна другая деятельность, нельзя перемаливать эту проблему. Перемолить текущий кран нельзя. А она говорит: «Помолитесь». Так православные люди склонны перемаливать текущие краны, пьющих детей, прохудившуюся крышу, плохого начальника. Мы верим в силу молитв, верим в чудотворность молитв, но не всегда умеем различить, где нужно стать на колени с Псалтирью в руках, а где закатать рукава и вооружиться садовым инструментом. Это и есть превращение плюсов в минусы.

Есть вещи, которые не переманиваются в принципе, и не нужно кругом ждать чуда, везде вторгаться в жизнь с желанием, чтобы Бог чудеса творил на каждом шагу. Есть простые вещи, которые требуют рук, головы, языка, лопаты, чего угодно, но не молитвы. Или молитвы — тоже. Но, понимаете, чтобы нам купить хлеба, нам не нужно просить Бога, чтобы Он опять давал нам манну. Он больше никому давать ее не будет. Он давал ее когда-то и больше давать ее не будет. Для того-то и положена была последняя горсть в Ковчег на вечное воспоминание о путешествии по пустыне. А нам нужно работать, покупать хлеб, который печется в пекарне и привозится в магазины, или печь его самим. Когда мы молимся перед едой, «Отче наш» читаем, то жевать мы все равно должны сами. Православный человек знает, что Бог всемогущ, что Он творит чудеса. Но это не значит, что мы должны все вокруг менять при помощи вымоленного чуда. Ты тоже должен что-то делать.

Человек воспитывается примером больше, чем словом. Надеюсь, мы этого не забудем. Есть такой прекрасный афоризм: как может мужчина максимальным образом проявить свою любовь к детям? А вот как: любить их мать. Если мужчина любит мать своих детей — это максимальное, что от него требуется. Все остальное приложится. Если мужчина любит женщину, родившую ему детей, если он является добытчиком и защитником этой семьи, чего от него еще требовать? Чтобы он с пеленками возился? Чтобы он еще и ночью вставал? Но у него грудного молока нет, ему ночью ребенку дать нечего. Он должен любить мать своих детей! Если он это делает — хватит! Может быть, у женщины иные, завышенные требования, тогда она будет этими требованиями наказана. Когда мужчина перегружен вашими претензиями (женщинам говорю), он уйдет от вас. Он уйдет от вас, если вы будете любить свою маму больше, чем мужа. Это тоже закон. Оставит человек отца своего и мать, — слышите? Оставит, — и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью (Мк. 10:7). Нельзя любить маму больше мужа, слушаться маму больше, чем мужа. Это грубейшее извращение, нарушение законов Божиих. Нельзя, взявшись за горячее, не обжечься, прикоснувшись к смоле, не запачкаться. Точно так же нельзя быть счастливым, попирая элементарные законы Богом сотворенной жизни. А так женщина, которой Бог власти не дал, хочет всеми командовать, хочет любить больше всего свою мамочку, хочет, чтобы ее дети любили ее саму больше, чем будущих своих мужей и жен. Она неизбежно останется одна и будет несчастна. Всю оставшуюся жизнь она будет кусать локоть. Локоть близко, но его не укусишь. Нужно все расставлять на свои места и относиться к жизни дешево и сердито. Те, что жили долго и правильно, именно так и жили. Потому что семейные добродетели — это добродетели общечеловеческие.

Семья началась в раю. Первая семья была благословлена Богом, когда еще было очень далеко до всех тех вещей, которыми мир наполнен сегодня. Когда мы венчаем жениха и невесту, юношу и девушку, мы даем им возможность ощутить себя в раю Адамом и Евой. В это время храм есть земной рай, а они фактически должны кожей своей ощутить, что они Адам и Ева, и Господь повторяет им, только не лично, а уже через священника, те же самые слова и благословения — плодиться, размножаться, наследовать землю, обладать ею. Правда, к этому добавляется некое наказание: в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое... в поте лица твоего будешь есть хлеб (Быт. 3:16,19). Это уже то, что добавилось после грехопадения. Но сам брак родился в раю, и этого никто не уничтожил. Ни всемирный потоп, ни все грехи, которые были в мире, святости брака не уничтожили. Мы смело можем думать, что Таинство Брака есть таинство общечеловеческое. Что имеется в виду? Когда муж и жена берутся за руки и желают всю жизнь жить вместе, мы можем утверждать, что это — таинство. Когда Христос пришел на брак в Кану Галилейскую, то Он не пришел туда на блуд. (Многие ведь считают, что невенчаный брак — это блуд. Это очень простая и очень неправильная мысль.) Христос не пришел на блуд в Кану Галилейскую, хотя эти люди не были венчаны в нашем смысле и венчаны быть не могли, еще не было христианского Таинства Брака как такового. Но сказано: Брак бысть в Кане Галилейской (Ин. 2:1).

Брак — это таинство, общечеловеческое таинство, и добродетели брака — общечеловеческие. Послушание жены мужу, ответственность мужа за семью, послушание детей матери. То есть, дети слушаются мать, мать — отца, отец — Бога. Иерархично так. Совместный труд, совместный хлеб, совместная смерть, если Бог даст. «Будем жить долго и умрем в один день». Это то счастье, которого желают себе все влюбленные. Это встречается везде, во всех культурах. Этого хотят все люди. Брак нигде не терпит лени, пьянства, измен. Брак нуждается в терпении, трудолюбии, мудрости и во многом другом. Это касается всех людей вообще. Поэтому на сегодняшний день мы можем учиться правильной семейной жизни у всех людей, у которых брак состоялся.

Наши святые — это, в основном, монахи или епископы (которые тоже с незапамятных времен — монахи) или юродивые, или мученики. И мы учимся у мучеников терпеливому страданию и исповеданию Христа до смерти. Вернее, мы просим, чтобы они молились за нас, ибо они имеют великое дерзновение перед Христом. Христос за всех кровь пролил, а они за Христа кровь пролили. В этом взаимном пролитии крови они очень близки друг другу. Но по части поучиться супружеской жизни — у кого нам учиться? У юродивых, мучеников, у святителей, у монахов? Ни у кого из них. Они убегали от брака, они преодолевали узы брака, они нам ничего не оставили по части того, как жить в семье. А нам-то надо жить в браке.

Сам подвиг этих увенчанных святых людей строился на базисе твердых семейных устоев. Они не пренебрегали семьей, но преодолевали природу ради высших целей. Только благодаря твердости естественных устоев могло возникнуть всякое подвижничество. Мы же, потеряв ценности элементарные, обречены на бессмысленное и бесполезное стремление к ценностям высшего порядка. Бессмысленное потому, что великое без малого не существует. Укрепится брак — возродится и монашество, появится и учительство, засияют святители. Рухнет брак — рухнет все, и невозможной станет никакая святость.

Василий Великий вырос и воспитался в семье, где святого человека было легче найти, чем простого. Многому он научился у сестры, многому — у бабушки. Так и Григорий Богослов до старости считал себя должником своей матери во всем, что касалось добродетели. Мученик и целитель Пантелеймон — наследник благочестия своей матери Еввулы. Старец Силуан говорил, что хотел бы иметь такого чуткого и мудрого духовника, как его родной отец. Силуан многих духовников повидал

на своем веку, но его папа — простой неграмотный крестьянин — оказался глубже этих многих. Эти примеры можно продолжать почти до бесконечности. Поэтому, там, где святые люди древности уходили от брака ради «почести горнего звания», они отталкивались от опыта правильного и крепкого брака, существующего в обществе и их собственной семье.

Именно потому, что мы в браке нормально не живем, и происходит все то безумие, заполняющее последние годы, десятилетия, столетия. Учиться жить в браке нужно у всех, кто в браке живет хорошо. Там, где жена мужа слушается и любит его, мы будем учиться. Присматриваться мы будем к этой жене. Там, где мужчина является настоящим мужем и отцом, присматриваться и учиться стоит нам с вами. У одного из братьев проблема — и вся семья собирается, чтобы помочь одному: давайте поинтересуемся, как их воспитывали, кто научил их любить друг друга? Это действительно — процесс обучения. Он требует внимания, наблюдательности, цепкости ума, заинтересованности. Ведь все, что хорошего есть в мире, требует обучения, и добродетельный муж учится всегда. А хуже всех и противнее всех те, кто уверен о себе, что он все уже знает.

Учиться семейной жизни, семейным добродетелям — так мы сформулировали задачу. Мы с вами умеем только то, чему научились. Например, пришивать пуговицу, готовить еду или писать. Сейчас мы пишем легко, но когда-то мы не умели писать, и чтобы нам научиться, нужно было долго мучиться. Это было некрасиво сначала, это были каракули, неправильные завитушки и черточки. Слава Богу, Он нам дал учителей, которые терпеливо — год, два, три — учили нас в младших классах писать, дали нам ключ к постижению знаний. Мы уже забыли об этом и относимся к этому спокойно. Писать умеем, читать умеем. А это было тяжело. И ходить мы учились долго и трудно. Земля взлетала из-под ног сотни раз, мы падали, плакали, набивали шишки. Кто об этом сейчас помнит? То, чем мы так легко пользуемся сегодня, было когда-то предметом долгого и трудного обучения. Все, что мы имеем и умеем, всему этому мы учились долго и тяжело. Неужели вы думаете, что любить друг друга, быть верными друг другу, построить жизнь супружескую можно ни с того, ни с сего? Не учась, без долгого и тяжелого труда? Невозможно это. И думать иначе — грешно, хотя миллионы думают так и за грех это не считают.

Невозможно научиться жить, не учась жить. Что значит учиться жить? Это значит учиться работать, учиться делиться тем, что ты заработал, с теми, кто сам заработать не может. Не может, потому что рук нет или потому что старик, один на старости лет без детей и внуков. Учиться жить — значит учиться не смеяться над чужими ошибками, учиться промолчать, когда видишь чужой грех, учиться радоваться чужой радости и плакать над чужим горем. Это называется школой жизни. Если даже писать невозможно уметь, не учась, то что же думать об искусстве жить вообще! И учиться можно у всех, это мое твердое убеждение.

Если человек настроен на то, чтобы собирать доброе, он, как пчела, будет собирать с каждого цветка все, что можно. У Василия Великого есть специальное сочинение, предназначенное юношеству, в котором он говорит, что нужно учиться, в том числе и у язычников. Нужно относиться к источникам знаний подобно тому, как пчелы относятся к цветам. Они садятся не на все цветки, но на избранные, и там, где садятся, они не все с собой уносят. Нам тоже нужно садиться на избранные цветки и брать все, что может быть полезным. В том числе брать и у тех, кто Христа не знает! Не бойтесь говорить и думать об этом. Колесо, плуг, охотничий лук, календарь и способ добычи огня тоже ведь не апостолы изобрели. Но мы спокойно берем эти и другие полезные навыки и знания из общечеловеческой копилки. Здесь нет измены Христу, но есть смирение. Ведь и язычники многое поняли, многое почувствовали, многого достигли из того, чего мы сегодня зачастую не имеем. Мы — якобы — обладатели истины, но мы сегодня и половины не умеем из того, что могли знать и уметь люди, не знавшие истины. Это — жуткая боль, это страшное противоречие. Страшное противоречие заключается в том, что в христианском мире, в котором верят в Бога, Который есть любовь, количество

домов престарелых зашкаливает, по сравнению с тем же мусульманским миром. В исламе нет учения о Боге как о любви, но и домов престарелых тоже нет, или почти нет. Страшные, болезненные противоречия.

5

Вернемся к ранее сказанному. Воспитывая детей, нужно ориентироваться не на вербальное воспитание, а на пример и совместный быт. Это Запад нас научил: «Давайте поговорим, расскажите ему, объясните ему», — и так далее. Нам предлагают, например, 12-летнему наркоману рассказать о вреде наркотиков, и какой-то человек верит в то, что это поможет. Я же знаю, что не поможет. Никакой разговор с рецидивистом не заставит его поменять свой образ жизни, если вы не святой, конечно, и за вашими словами не стоит некий великий опыт. Но там о святости речи не идет, там просто армия психологов пытается разговаривать с человеком: «Ну, ты понимаешь? Подумай, рассуди». Это повторение басни, где Васык слушает, да ест. Грех — это жуткое животное, дикое, невидимое, многоголовое, страшное, которое мучит человека, которое высасывает из него все соки. А мы хотим объяснениями, разговорчиками убедить грех не грешить. Какая слепота и неразумие! Так не бывает, я не верю в это. И вы не верьте. Можно рассказывать и убеждать с профилактическими целями. Но нельзя верить в силу разумных доводов там, где речь идет об изменении привычек, образа жизни, об исправлении.

6

Что еще мне кажется очень важным. У человека вера должна пройти через жестокие испытания, и сам человек должен пройти через хотя бы один кризис веры. Может быть, и два, но, думаю, что не больше. Больше человек не выдержит. Опять-таки у нас есть иллюзия, что уверовавший человек твердой ногой стал на лестницу Иакова и пошел, пошел вверх, ступенька за ступенькой, в самое Небо, где Господь утверждает наверху этой лестницы, как Иаков во сне видел. На самом деле, в жизни все не так. Вместо прямого и поступательного пути в жизни сплошь и рядом присутствует движение по кругу, возврат назад, взлеты и падения, оставляющие на графике синусоиду, а не луч. Так было с теми, кто лучше нас во сто крат, и вряд ли мы избежим того же. Уже сама мысль об этом, сама готовность ничему не удивляться будет для души оружием. Вы видите, что мы занимаемся ничем иным, как разрушением ложных мифов и опасных иллюзий. Мы пытаемся превратить в пыль ошибочные мнения о том, что можно исправить детей, не исправляясь самим; что можно словами и уговорами, без дел, получить нужный результат. Теперь мы подошли еще к одной иллюзии, согласно которой вступление в область веры совершается раз и навсегда. Отныне, дескать, путь нам лежит только прямо и вверх. Отчасти мы касались этой проблемы, когда говорили, что не все проблемы решаются молитвой. Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц, и нельзя молиться о том, чтобы на столе появилась свежая яичница, не желая ее изжарить. Итак, пришпорим Россинанта и устремимся с копьём наперевес на очередного монстра. Этого монстра зовут — уверенность в неизбежности спасения и поступательного духовного роста.

Человек проходит несколько этапов своей жизни духовной и вначале радуется о том, что он познал Господа. Он сперва живет горячо и огненно, пытается много молиться. В это время, если он молод, его посещают мысли о монашестве. У него возникает целый комплекс вопросов и проблем, поскольку далеко не все понимают его. Это большая боль и бескровное мученичество, когда ты узнал Христа, а твои родные Его еще не узнали. У тебя уже есть цель в жизни, а у них все еще нет. Человек горит светлым огнем и хочет всем рассказать о Господе, со всеми поделиться радостью. Это очень полезный период жизни. Внутри этого периода приобретается опыт того, что невозможно достучаться снаружи ни к кому, пока Христос изнутри к человеку не достучался. Вот вы пришли к Господу, уверовали, а у вас еще 10 друзей есть, которых вы любите, как душу. Вы с ними прожили долго, может,

воевали или строили, как у Ремарка в книге «Три товарища». Вы — не разлей вода. Но вы пришли к Богу, а они еще нет. И вы приобретаете первичный болезненный опыт, когда вы стучитесь к ним, а они вас не понимают. «Чего ты хочешь от нас?» Эту ситуацию нужно испытать человеку, чтобы знать: наши возможности ограничены. То есть, мы можем сказать слово о Боге, но поймет ли человек, зависит не от нас, а от того, есть ли уже внутри у него Тот, Кто даст понять ему наши слова, слышимые снаружи. Если Христа в человеке нет, если в сердце не говорит с нами Тот, Который делает для нас внятными слова, звучащие снаружи, то это — бесполезный труд, так сказать, гром, гремящий над головой мертвого. Мертвый не встанет и не перекрестится.

Итак, на первом этапе духовной жизни мы радуемся о великой встрече с Господом и скорбим оттого, что не весь мир с нами вместе пережил эту встречу. В это время очень опасно привыкнуть к осуждению людей и к личному превозношению. Ведь рано или поздно должен наступить период, когда человек перестанет радоваться о своей вере и осуждать людей, а, напротив, начнет скорбеть о себе и снисходительно смотреть на окружающий мир. Все те, кого мы называем святыми, делали именно так, не правда ли? Они скорбели о людях, жалели их, а судили строго только себя. Это не приходило к ним сразу, нет. Но они постепенно вращались в ту область веры, где видны только твои грехи, где ближний всегда лучше тебя самого. Нам тоже путь лежит в эту, не в другую сторону.

Как все вы знаете по себе, человек со временем начинает постепенно притухать и давать погасать первому огню. В Апокалипсисе есть такие интересные слова. Господь говорит: Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою (Откр. 2:4). Бывает, что мы забываем свою первую любовь, и вера превращается во что-то привычное, знакомое. Мы можем обрасти какими-то фарисейскими комплексами по отношению к тем, которые ничего не знают, а мы уже, дескать, знаем. Мы уже, так сказать, разбираемся, где стихира на стиховне, а где тропарь на благословение хлебов. Уже службу знаем, уже батюшек знаем по именам. Телефоны их есть в нашей телефонной книжке, можем позвонить и проконсультироваться по вопросам высокодуховным и мало кому понятным. Мы уже набрались сленга церковного вроде словечек «ах, искушения», «ах, простите, благословите». Мы уже превратились в смиреннословащих. «Будем смиренны, братья, но не будем смиреннословны». — сказал некто мудрый. То есть не будем наполнять свою речь избытком смиренных слов. Когда звучит слово, солью не осоленное, то оно действительно неприятно слышится.

Так вот, когда мы привыкли к вере, нам полезно бывает что-нибудь такое испытать, что чувствуешь — еще немножко, и я погибну или веру потеряю. То есть человек должен пройти через какой-то кризис внутренний, обязательно. Нам это надо, и Бог этого хочет. Он срывает с наших лиц прилипшие и приросшие маски, чтобы смотреть нам в живые и настоящие глаза, а не в искусственные. Незакаленная вера стоит очень дешево. Если тебя за веру не били, ты не болел, не оставался один на один с собой, или грехи к тебе не возвращались старые, злые за то, что ты их однажды прогнал, и ты не мучился с ними, как с полчищем сорвавшихся псов с цепи, или еще чего-нибудь другого не было, то за веру твою дорого дать нельзя. Не обожженный в печи горшок так и останется сырой глиной, и никто в него молока не нальет.

Нужно разрушить напрочь ту иллюзию, согласно которой человек уверовавший отныне идет вперед, как танк, как дорога на Борисполь, прямо в Царство Небесное и никуда больше. Он должен так идти. Но нужно иметь решимость, терпение, внимание к себе. Нужно и наставника иметь, руководителя. Все это в дефиците. Поэтому вскоре наше христианство становится похожим на костюм для бала-маскарада, и Бог обязательно этот костюм с нас сорвет. Человеку нужно упасть иногда, нужно заблудиться, остановиться, сказать: «Я не знаю, что происходит, я ничего не понимаю. Я погибаю. Мне страшно и больно». Очень нужно человеку стать в тупик, и не раз, и не два. И нужно благословить Бога за эти тупики. Нужно иметь мужество из самого тупика сказать Господу: «Господи, я не знаю, что происходит, но слава Тебе!» Эти кризисные моменты возрождают в нас подлинную веру.

возвращают душу ко времени «первой любви». А зачем об этом говорить, имея в виду детей и юношество? Да затем, что мы часто зовем детей в Церковь, как на Поляну сказок, как в Шоколадную страну. Думаем: «Вот пойдет в храм, и все образуется». О том, что начать ходить в храм — это то же, что записаться в армию добровольцем, мы не думаем. Поэтому страшно удивляемся, когда молитва в жизнь вошла, а проблемы не ушли. Тогда мы даже склонны к ропоту, и этот ропот — от неразумия, от ложной жизненной установки.

Итак, после выхода из Египта и прохода по дну Красного моря, после всей этой радости наступает время долгой хольбы по пустыне. После радостного обретения веры приходит пора борьбы со страстями, временного очерствения, духовных сложностей. Евангелие недаром говорит, что городам Капернауму, Хоразину, Вифсаиде будет хуже, чем Содому и Гоморре. Если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. (Мф. 11:23). То есть, видел, знаешь, чувствовал, уже вкусил, но откуда взялась черствость, откуда взялось помрачение ума, откуда возникли соблазны, откуда что взялось? Кажется, что это уже погибель. А человеку нужно пройти через такую кризисную полосу, чтобы опять воскреснуть и глубже воцерковиться. Уже без розовых очков, без надежды на свою собственную святость, но только на единого Господа.

Как вы думаете, зачем наша Церковь так премудро устроена, что у нас многие праздники устроены таким образом, что человек что-то ест и что-то для еды освящает? Я сейчас не о причастии говорю, а о яблоках, о куличах и т. д. Или приносим мы что-то с собою в церковь, чтобы это отнести уже в освященном виде домой: вербу, мак. Почему? Потому что детская душа хочет, чтобы что-то посветили, что-то покропили, хочет укусь что-то освященное. Это Церковь премудро придумала для детей, чтобы они понимали: «Пойду в церковь, там хорошо, там поют, там кропят, там святят, там с собой что-то унести можно». Это для детей придумали! Например, когда празднуется Преображение, то дети радуются, что им батюшка сливки с грушами покропил, а взрослые должны радоваться о том, что им понятен смысл праздника Преображения, и они о Христе радуются, что, вот, оказывается, Какой наш Господь. Не просто учитель, не просто человек, а Бог, ставший человеком, так что самые великие святые — Моисей и Илия — за счастье имели с Ним побеседовать на Фаворской горе, и Петру хорошо было на Фаворе. И вот Он Какой. И, оказывается, Его распяли не потому, что Он слабый и его поймали хитрые враги, а Он для того преобразился, чтобы ученики «страдания уразумели вольные», то есть, что Он добровольно распялся. Свет от Света, Бог от Бога. Бог истинный от Бога истинного — вот Кто Христос наш. Преображение — выше всех праздников после Рождества и Пасхи, потому что цель жизни ясна — нужно преобразиться. Чтобы войти в будущую жизнь, нужно нам всем преобразиться. И вот маленький человек радуется, что ему сливки покропили, а взрослый должен радоваться, что он смысл жизни узнал. Но если и маленький, и взрослый человек радуются, что им сливки с грушами покропили, тогда у меня возникает грусть в день святого праздника. Воцерковляться ведь детям нужно по-одному, а взрослым по-другому. Отроку и отроковице воцерковляться нужно по-своему, а юноше и девушке по-своему, мужчине и женщине по-своему, а деду с бабой по-своему. Я предполагаю, что у каждого из нас будут в жизни критические периоды ломки — психологической, жизненной, семейной — когда люди будут заново открывать для себя с детства известную веру. Я лично уверен, что нужно за жизнь открывать для себя несколько раз с детства известную веру. Вы знаете, как учат в школе, например, на уроках русского или украинского языка имя существительное? В 3-м классе учат имя существительное или в 4-м, а потом в 8-м классе учат имя существительное, но как? Конечно, уже на уровне 8-го класса. А потом в 10-м классе снова учат имя существительное, но как? Уже на уровень выше. А если человек избрал для себя профессию филолога и поступил в университет, то на 1-м курсе он будет учить имя существительное, и на 5-м курсе он тоже будет учить имя существительное. Если он будет академиком, он также будет учить имя существительное. Это что значит? Что он дурака валяет с 4-го класса? Нет, он открывает глубины того, что он по имени узнал в детстве, а по сути узнал в старости. Если имя существительное такое глубокое, что его можно учить в

4-м классе и до смерти, то неужели наша вера такая мелкая, что мы хотим всю жизнь прожить, оставаясь на детском уровне?

Нужен рост, а для роста нужна пища. Человек — словесное существо. Ему кроме хлеба и воды нужна еще и словесная пища. Это — Писание. Те две монеты, что оставил в гостинице милосердный самарянин для пропитания спасенного человека, есть книги Нового и Ветхого Завета. А сам самарянин есть Христос, Который пообещал вернуться. Раскроем перед детьми Библию первыми. Не позволим сделать это кому-то раньше нас. Если кто-то это успеет сделать раньше, то он приобретет на долгие годы в глазах наших детей авторитет. Писание, им открытое, даст ему этот авторитет в глазах наших детей. Я сам помню случай из своей жизни, когда ко мне на улице подошла женщина из «Общества сторожевой башни» и предложила изучать Библию. Поскольку я шел на причастие больного и был одет в рясу и скуфью, то слова ее выглядели форменной наглостью. На мой вопрос, не стыдно ли ей предлагать мне, священнику, изучать с ней Библию, она ответила, что мой сан для нее ничего не значит. «Я, — говорит, — с детства в церковь ходила и посидела в церкви, но так ничему в церкви и не научилась». Ее личный опыт убеждал ее в слабости Церкви и оправдывал подобное поведение. Не священник и не родная мать, но кто-то другой впервые открыл перед этой женщиной Писание, и теперь ложные толкования она понесет многим, будучи уверенной в своей правоте.

Отрыв от Книги — не сегодняшняя проблема. Вот Лесков пишет, что было у нас широко распространенное убеждение, что всю Библию прочитать нельзя, то есть физически можно, но лучше не надо, потому что тот, кто Библию прочитает, тот «розумом зийдэ». Это было убеждение огромного количества людей. Лесков удосужился его записать. И до сегодняшнего времени, насколько я знаю, встречаются на свечных ящичках благочестивые старушечки, когда их спрашивают: «Вот ту Библию можно купить? Там есть комментарии?» — отвечают: «А на шо воно вам? Библию прочитаешь—с розуму сойдешь. Не надо. Акафист читай».

Стоит ли говорить, что при таком положении дел люди массово попадают к протестантам? Не потому, что те поистине хороши, но потому что они подняли нами оброненное оружие — Писание, и одно это делает их сильными, а нас — безоружными.

Если вера не углубляется, то она теряется. Думали вы об этом? Не может человек в 30 лет жить тем уровнем веры, который получил в 15 лет. Не может. Если он не углубил свою веру до соответствующего уровня, он ее потеряет. Ее у него украдут, благо есть много сектантов, разных проповедников, чего хочешь. Кто-то соблазнит тебя холодной глубиной индусского космоса, представит тебе еще какие-нибудь мистические бездны, и тебя это купит, потому что ты привык к мелочам, а тебе представят соблазн глубины. Ты соблазнишься. К чему я это говорю? Если дети наши в каком-то возрасте начинают соблазняться и сомневаться, то мы не должны относиться к этому как к некоей странной вещи. Это неизбежный рубеж, требующий углубления веры. Конечно, это больно, когда ребенок был маленький и ходил в храм за ручку с бабушкой, причащался и все делал. А потом ему стало столько-то лет, и он говорит:

— Мама, я не могу не смотреть это кино, потому что все смотрят, обсуждают его на переменах, а я...

— Да зачем тебе это надо, сынок? Ты почитай вот это.

— Да что я буду это читать? Я на дискотеку хочу.

И мы страдаем. Мы недоумеваем. Почему наш, еще вчера хороший ребенок сегодня заупрямился? Вот спрашиваем:

— Пойдешь в церковь? А он говорит:

— Я хочу поспать, я и так учусь всю неделю.

Спокойнее отнесемся к этим словам. Иначе ведь и быть не должно. Потерпим, подождем, помолимся. Дереву, чтобы вырасти, нужно тепло, вода и время. Человеку, чтобы вырасти, нужно тоже самое. Не будем спешить. Любовь умеет ждать, а мы детей любим.

7

К слову сказать, кто-то придумал такую систему образования, что в голову все это вместить невозможно. Наши дети поставлены в жуткие условия. Недавно на родительском собрании я собственными ушами слышал, как преподаватель математики, классный руководитель, говорила, что, вот, я пошла к детям на географию и поняла, что я вообще не понимаю, что им рассказывают на географии. А потом я пошла на биологию и поняла, что я вообще ничего не поняла из того, что они там проходят. Но при этом она дает им математику на таком уровне, что биолог ничего не понимает в математике. Ну не хватает у человека то ли совести, то ли мозгов понять, что не может ребенок знать твой предмет так, как знаешь его ты, при том, что ты кроме этого вообще ничего не знаешь. А от них требуют знать так, как знают свой предмет учителя. Или это диверсия? Благо, не 30-е годы, а то было бы уже «дело учителей», состоялось бы пару показательных процессов. Дети сходят с ума. Там один сошел с ума, там сошел с ума другой, там кто-то с дурным криком выбежал из класса. В 30-е годы нашли бы «виновных», расстреляли бы за скрытое вредительство, направленное на подрыв детской психики, потом бы поменяли программу. Непременно было бы что-нибудь такое. Примите мои слова как черный юмор.

Или это диверсия, или это глубокое неразумие. Не понимают люди, что нельзя все знать. На самом деле, знать нужно мало. Лев Толстой говорил... кстати, вопрос: можно ли читать Льва Толстого? Ответ: смотря что. Если вы собираетесь читать его последние предсмертные произведения — там, где он пишет свою версию прочтения Евангелия, свое отношение к смерти, к Христу и так далее — то не стоит, это мусор, достойный мусорной свалки. И ничего больше. Если речь идет об «Анне Карениной» или о «Войне и мире», то можно и нужно читать. Это очень серьезные произведения. Так вот, Лев Толстой говорил, что всего-то и нужно человеку знать, вместо тригонометрии и астрономии, что все люди жить хотят, что каждому человеку тепла хочется, что одна слезинка иногда стоит больше, чем целое состояние. Эти простые вещи нужно преподавать детям в школе. Но наша наукоемкая система образования убивает мозги детей. Поэтому не надо удивляться, что они потом бегут из этой школы, как чумные, чтобы проветриться. А проветриваются там, где можно заразиться.

Даже если бы не было этого сумасшедшего мира за стенами, не было бы телевизора и компьютера, человек в 14 или в 15 лет на уровне гормональных сбоев, на уровне перерастания из девочки-подростка в девушку, из мальчишки в юношу, все равно терпел бы некие внутренние бури, все равно у него были бы свои вопросы, на которые бы ему мало кто мог ответить. Он бы мучился. Кстати, знаете, почему такая крикливая молодежная культура, почему такие громкие молодежные песни? Молодежные песни поются в надрыве, без красивых голоса и музыки, потому что молодой человек хочет выкричаться. И главным посланием такого крика является следующее: «Я есть, посмотрите на меня, я живой, почему я никому не нужен? Почему я никому из вас не интересен?» Молодой человек в 13-14 лет очень страдает от того, что он никому не нужен. Даже в полной семье, где оба родителя работают допоздна, даже если есть брат или сестра, он чувствует себя ужасно одиноким. Его мучает метафизическое одиночество. Он никому по-настоящему не нужен. Его грузят в школе, его грузят дома. Получается так: я есть, и я не нужен. И, например, почему сектанты так успешно ведут работу с молодежью? Весь фокус в том, что они находят полчаса для человека, чтобы посидеть и поговорить с ним. Купить человека очень легко, хотя он практически бесценен. Нужно просто с ним полчаса поговорить — и он потом к тебе опять придет, и со временем будет твой. У нас же вечно нет времени на это все. Есть такой психологический закон: рассказанная беда уменьшается вдвое. Человек, рассказывая о своих проблемах, сам себя слушает. Он впервые понимает сам себя.

замечает некоторые оттенки своего состояния. И все потому, что его слушают, потому, что происходит диалог. Диалог, дорогие христиане, это таинство. И поэтому успех проповеди сектантов не в том, что они самые умные, а в том, что режим общения «я — ты» установлен, что они создают иллюзию любви. А у нас вечно руки до этого не доходят. Горе нам, братья и сестры. Будем плакать. Нам действительно оставлено покаяние, но покаяние означает не только печаль о собственной нищете, но и деятельную перемену жизни. Значит, будем плакать, но будем и меняться.

8

Суммируя все выше сказанное, хотелось бы сказать: чего больше всего хочется от родителей и детей — чуткости, потому что мы не понимаем друг друга, не понимаем до дикости. Есть хорошая книга Брэдбери, называется она «Вино из одуванчиков». Советую прочитать, несмотря на то, что он американец. Не зря добавляю эти слова. Америка — не синоним тупости и глупости. Ее не презирать, а изучать надо. Там есть не только то, что достойно насмешки Задорнова, но есть и великая литература, и великий опыт борьбы с общечеловеческой трагедией.

Так вот, у Брэдбери есть такой момент. Старушка, миссис Стэнли, потерявшая мужа, дожившая до глубоких лет, переехала из одного городишка в другой. Она была любительницей всякого, для нее священного, хлама: она не выбрасывала билеты с концертов, на которые ходила еще в юности, она хранила всякую памятную чепуху, перебирала постоянно фотографии. Но больше у нее занятий особых нет, она одинокая. И вот однажды, на аллее какого-то парка, она зовет к себе играющих детей. Дети 5—7 лет, еще не подростки, не тинэйджеры, им всем до 10 лет. Миссис Стэнли угощает их мороженым и говорит одной девочке:

— Как тебя звать? Ей отвечают:

— Элен.

— О, и я — Элен. Когда я была такая же, как и ты, маленькая, меня также звали Элен.

Тут дети вдруг перестают есть мороженое, и одна из девочек говорит, что им, мол, родители сказали, что нельзя врать. Старушка удивленно спрашивает:

— А кто здесь соврал? Дети добавляют:

— И нельзя слушать, когда врут. Бабушка:

— А соврал-то кто?

— Вы соврали, вы не были маленькая.

— Как это соврала? Я была маленькая, меня звали Элен.

— Этого не может быть. Вы не могли быть такой, как мы.

И там начинается очень длинный диалог, гениальный, жутко интересный. Они на нее обижаются, убегают, говорят, что она — старая лгунья, что она не могла быть такой, как они.

— Ты тоже будешь такая, как я, но я уже не буду, такая как ты, — говорит старушка. Но ее слова детьми не поняты.

Брэдбери удалось высказать гениальную вещь, он зацепил какие-то глубинные пласты мышления, потому что, действительно, для маленького человека неместима мысль о том, что он будет старым, что старики были маленькими. Это неподъемная мысль. Только теоретически это может жить в человеке, практически мы этого сами не понимаем. До сегодняшнего дня мы не понимаем, что мы будем совсем старыми, а в детстве мы этого вообще не представляли. И душа-то в человеке живет по-молодому. Человек, если ему к зеркалу не подходить, осознает себя тем же человеком на

протяжении многих лет. Самочувствия — тождественные, лишь зеркало заставляет человека плакать. Кто это? Что за рожа? Это что — я? Если бы год мы не смотрели в зеркало, вот шок был бы! Это мы каждый день в зеркало смотрим, поэтому шока нет. А если бы в зеркало смотрели раз в год, мы бы падали в обморок. Что было потом в книге «Вино из одуванчиков», почитайте сами. Это — простейшая по стилю и глубочайшая по смыслу литература. Ее темы нас касаются непосредственно.

Литература должна быть простейшей и глубочайшей. Настоящая литература такой и является. Вся литература написана только о двух темах: о Боге и человеке. Все, что есть в ней великого, — это про Бога и про человека, и про их взаимоотношения. Про уход человека от Бога, про приход Бога к человеку, про спор Бога с человеком, про ответ человека Богу. Вот эта вся каша — это и есть собственно литература. Остальное — бред, порожденный умением писать и неумением думать.

Понять человеку самого себя очень важно, и для этого нужно много читать.

За ничтожные сорок-пятьдесят лет нельзя понять ни мир, ни себя в мире. К личному опыту должен добавиться осмысленный опыт многих поколений, опыт, зафиксированный письмом на бумаге. Почему еще нужно много читать? Например, потому, что работающая мысль облагораживает человека и уцеломудривает его. Мы небезосновательно опасаемся, что новое поколение будет очень развратным. Для этого есть все подходящие факторы. Диктат общества над человеком ослаб, общество дает возможность делать человеку все, что он захочет. А чего он хочет? Он хочет всегда одного и того же. Безумие в сердце юноши. В сердце юноши, по факту, живет безумие, пока он не повзрослеет. Он может не повзрослеть, кстати. Общество не диктует ничего высокого, естественная мораль задавлена страстями. Вера, страх Божий — это далекий гром. И мы боимся, что люди могут совсем развратиться, до предпотопного состояния. Сначала утонут в грехе. Потом придет наказание, как вода при потопе или огненный дождь на Содом.

Как ни странно, опыт свидетельствует, что если человек в подростковом возрасте читает поэзию, то уж, по крайней мере, на несколько лет поэзия его удержит от разврата. Взрослый человек может читать поэзию и развратничать, а отрок или отроковица — нет. Поэзия дает человеку идеальный срез жизни, поднимает его глаза выше сегодняшнего дня, зажигает в его сердце желание идеальных отношений. Пусть это сон. Допустим, никогда в жизни человеку не доведется встретить прекрасную незнакомку или сказочного принца. Но все равно в самые опасные годы этот сон, эта поэтическая мечта проведет человека по волнам соленого моря. То есть он будет идти, не замечая, что под ним вода. Он будет смотреть на звезду, думать, что под ним твердая почва и пройдет по волнам. Потом будет все остальное. От остального убежать нелегко, но самые опасные годы человек пройдет без опыта бытового разврата. Это не панацея, конечно, но это — один из способов зацепить человека. Ведь к чему все сводится? Человека надо как-то зацепить за душу, чтобы сказать ему: «Слушай, брат, есть другая жизнь. Я там еще не был, но я знаю, что она есть. Я ее чувствую».

Нам дается возможность почувствовать небесную жизнь, как остатки пиршества на столе. Трапезу съели, крошки остались, и мы по вкусу крошек можем составить представление о вкусе будущей трапезы. Более того, помните, в Евангелии есть интересные слова, когда женщина просила Христа исцелить ее дочку? Господь ее собакой называл. Вы наверняка молитесь за детей своих. Но готовы ли вы молиться настолько упорно, что когда Господь вам ответит, чтобы ваше ухо расслышало, что вы не лучше, чем простое животное, собака (для еврейского уха собака — все равно, что для нас свинья, и даже хуже), продолжать молиться, несмотря на это? Она просила:

— Иисусе, сыне Давидов, помилуй меня.

И даже ученики устали слышать ее крики. Он говорит:

— Нехорошо отнять хлеб у детей и отдать собакам.

Она говорит:

— Да, но ведь и собаки питаются крошками от трапезы господ своих.

И Христос удивляется, говорит:

— Женщина, велика вера твоя. Будет тебе, что ты хочешь.

И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15:28). То есть нужно быть настолько терпеливым и молиться за детей, что если Бог скажет тебе, что ты — пес, если скажет: «Отойди отсюда», — ты все равно продолжишь молиться, исходя из этого евангельского текста. Временами мы так же, как те псы из Писания, слизываем крошки под столом. Нам с небесной трапезы падают на землю крошки вкусные, и мы, слизывая их, можем составить себе представление о будущей жизни. Нам нужно этим представлением поделиться, нам нужно поделиться этим маленьким опытом того, что есть другая жизнь.

Есть ради чего жить, на самом деле. Ведь уже относительно давно, лет 100, а то и больше, люди додумались до одной тяжелой мысли, которая звучит примерно так: «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?» Эта мысль касается каждого человека. Не только тех, кто в концлагере сидел, на войне был, родных потерял, а просто любого человека. Эта мысль составляет сердцевину мировоззрения современного потомка Адама. Пока люди не думают, им спокойно. Начинают думать — и останавливаются в недоумении: а к чему все это? И человек, если он не приходит ко Христу, ответа не имеет. Если же внятного ответа на этот вопрос не будет, тогда этот человек или убьет себя сразу, либо будет убивать себя медленно. Жизнь, очевидно, для него будет бессмысленна, а человек не может жить бессмысленно, ему нужно обязательно осмыслить свою жизнь. Без смысла человеку жить нельзя, уж так мы созданы.

Достоевский в воспоминаниях о каторге говорил, что если человеку предложить выбор: отрубить ему руку, или в течение непонятно какого времени насыпать песок, а затем его высыпать (то есть бесполезным трудом заниматься), то он скорее даст себе руку отрубить, чем согласится заниматься бесполезной деятельностью. Бессмысленная жизнь — не удел человека. Человек не может жить, не объясняя себе своего существования. Но именно бессмыслие есть та болезнь, которой болеет человечество сегодня, болеет и мы, как часть человечества.

У нас, в Церкви, есть ответы на многие вопросы. Но мы не всегда можем поднять тяжесть этих ответов, потому что это требует подвига. Подвиг мы нести не всегда умеем. Иногда даже не знаем, как к этому делу приступить, поэтому человечество изнутри представляет собой какую-то сплошную рану. С какой стороны не подойди к этой ране, становится страшно. Бесполезно оглушать себя и близких готовыми формулировками. Нужно говорить только то, что ты почувствовал, лично прожил, то, чем ты переболел. Пытаясь воспитать человека, мы не болванку обтачиваем по готовому образцу, а вступаем в заповедную область живой души. Вступаем осторожно, с чувствами любви и тревоги. Нам, скорее всего, придется разуться, как и Моисею сказал Бог при купине: Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая (Исх. 3:5).

АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИНЫ

Семья, конечно, и первичная ячейка общества, и общая колыбель человечества, и так далее, и тому подобное. Похвальных эпитетов в адрес семьи можно произнести немало, даже при скромном словарном запасе. Но хотелось бы взглянуть на семью с точки зрения добродетели. То есть, с точки зрения того, какие добродетели семейная жизнь воспитывает, в каких добродетелях нуждается, без каких не может существовать.

Это не праздный вопрос, поскольку упражнение в добродетели у православных христиан связывается исключительно с подвижнической, бессемейной жизнью. «Добротолюбие» — исключительно монашеская книга, и существует предубеждение, согласно которому, «добротолюб», т.е. желатель и ревнитель истинного добра, возможен только вне брака. Ему, одинокому, открыты пути к размышлению и созерцанию, к внимательной молитве и изучению Писаний, а те, что живут в миру и связаны узами брака, тревожатся об угождении своим законным половинам, как об этом и пишет апостол Павел. Незамужняя заботится о Господнем, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. (1 Кор. 7:34). И еще говорит: желаю, чтобы все люди были, как и я. (1 Кор. 7:7). Девственниками и бессемейными, то есть. Женатые и замужние не согрешают, но таковые будут иметь скорби по плоти: а мне вас жаль. (1 Кор. 7:28). И в Господней притче среди людей, отказавшихся прийти к Царю на пир, был один, который женился и на этом основании отнекивался. Перед ним были люди, купившие, кто землю, кто волов, а этот говорил: Жену поях, и сего ради не могу прийти. (Лк. 14:20).

Итак, что же, духовная жизнь возможна единственно в режиме бегства от брака и пренебрежения им? Или некие вершины добродетели доступны и тем, кто, как сказал Афанасий Великий, «в юности, составив свободную чету, естество употребляет для чадородия»?

Мне представляется, что ошибка в этом вопросе стоит очень дорого. Цена вопроса — изломанные людские судьбы. Есть, к примеру, большой спорт. Это спорт сверхнагрузок и мировых достижений. Имен в этом спорте не так уж много и они широко известны. Но есть и другой спорт, тот, где достижения скромнее и славы поменьше. Он более массовый, но это не значит, что там нет волевых усилий, пота, преодоления себя. Там все есть, только уровень пониже. Есть (при Союзе была точно) — физкультура, то есть, та область народной жизни, с которой связаны дворовые игры в футбол и теннис, утренние пробежки, детская секционная работа. Вовлеченность народа в здоровый образ жизни и градус интереса к большому спорту являются питательной средой для настоящих спортивных достижений. Разружьте незаметную и малобюджетную сеть боксерских секций, прячущихся по подвалам в ЖЭКах, и через пару лет бесполезно будет ждать появления в такой стране чемпиона мира по боксу. Корни подрубишь — не жди плода. Даже спать под деревом с подрубленными корнями не рекомендуется, поскольку такое дерево рухнет рано или поздно.

Высокое подвижничество христианского мира так же относится к незаметным и повседневным семейным добродетелям, как наличие славных имен в большом спорте зависит от общей вовлеченности народа в физическую культуру и от любви народа к спорту, как таковому. Святость — это ведь не только преодоление пола. В этом смысле семья тоже кое-что может дать, но здесь ее средства ограничены. Святость — это ведь и терпение, и трудолюбие, и ответственность, и принесение личных интересов в жертву общему делу. Таких добродетелей, произрастающих на почве семейной жизни, множество. О них мне и хочется говорить, с той целью, чтобы реабилитировать семью в глазах любителей добродетельной жизни. Человеку, стремящемуся исполнить заповеди, вовсе не лежит

прямой и неизбежный путь в монастырь. Очень многие заповеди можно исполнять посреди житейской суеты под аккомпанемент младенческого плача.

В первой половине XIX века в Киевской Духовной Академии при ректорстве Иннокентия Борисова был профессор Авсенов Петр Семенович. Этот человек прожил очень короткую (всего 41 год) жизнь и умер в Риме, будучи священником при русском посольстве. В последний период жизни носил сан монашеский и звался именем Феофан. Это был очень глубокий, высокообразованный и чистый нравственно человек. Студенты любили его и его лекции до такой степени, что, в порыве благодарного восторга, нередко выносили его из аудитории на руках. Замечу попутно, что времена те были суровы, в ходу были и телесные наказания. То есть особой свободы и демократии (используем и это истоптанное, всем надоевшее слово) не было. Но была любовь, которая «не вяжется». Наших лекторов, при всей свободе нравов и торжествующем демократизме уже давно не выносят на руках из лекториев.

Так вот, Феофан, читая будущим пастырям нравственную философию, приводил примеры неожиданные. Размышлял, например, о живучести народности китайской, которая, при архаичности и неразвитости государственного устройства, имеет свое собственное бытие и пользуется им непрерывно в течение долгих столетий. Архимандрит Феофан считал, что народ китайский из всех заповедей Божиих хорошо знает только одну, а именно, о почитании родителей. В традиции Китая есть почтение не только к отцу и матери, но и ко всякому старшему человеку, особенно, к человеку, могущему научить молодежь чему-либо доброму. За это исполнение всего только одной заповеди Закона Божия, считал Феофан, Правосудный Господь наградил китайский народ непрерывностью гражданского и государственного бытия, живучестью и историческим долголетием.

Ну, и где же нам взять, если не китайские добродетели, то хотя бы подобных Феофанов, которые укажут примеры, достойные подражания? Сплошь и рядом встречаешь зашоренных людей, которые прямо таки кричат: «Не смей брать примеры из жизни людей не православных!» Как будто у нас в кармане — лицензия на окончательную истину не только в вопросах догматического богословия, но и в вопросах выпечки хлеба и лечения младенцев от насморка. Хочу спросить: «Кто вас, господа, обучил такому бытовому хамству и беспримерной самоуверенности? Не желаете ли узнать из Писаний, что в первой Своей проповеди в синагоге Назарета Господь Иисус вспомнил Неемана-сирийца и вдовицу из Сарепты Сидонской, то есть людей, богатых верой, но не принадлежащих к Израилю?» Учиться суп варить, кажется, не зазорно у любой соседки, будь она мусульманка, будь она иудейка. Почему бы не присмотреться к чужой жизни, если эта жизнь в лучшую сторону отличается от нашей собственной? Веру боитесь потерять? Не бойтесь! Если ваша вера от таких знакомств теряется, то у вас ее нет. Уж это я вам заявляю со всей категоричностью, при всей даже мягкости характера. Такую «веру» и потерять не жалко.

Мы же присмотримся, какие добродетели воспитываются в семье, и без каких семья не существует.

Возьмем самопожертвование.

Звучит пафосно. Век наш — век позорный. Все высокое обитает под плинтусом. Мы уже стыдимся сказать высокую фразу, и то ли еще будет? Но самопожертвование лежит в основе гражданского бытия, и Боже вас сохрани эту добродетель из-под ног у всех нас вытаскивать. Чтобы пожарному лезть в огонь, доктору дежурить ночами и священнику ночью ехать с Причастием к умирающему, нужны не только и не столько материальные стимулы. В гробу я видал ваши стимулы, если я спать хочу, и нет в мире для меня ничего важнее моего собственного отдыха. Ясно ли это вам? Чтобы я полез в огонь, или поехал к умирающему, или побежал за вооруженным грабителем, у меня

внутри должна быть иррациональная мотивация! Плевать на деньги! Никакого геройства, никаких мечтаний о будущей славе. Только властное требование совести не остаться в стороне, не дать злу восторжествовать. Откуда это берется? Смею предположить, из крови. Это именно мамкина добродетель. Мама, она ведь даже если фактическая соплячка и малолетка, ощущает в себе могучие приливы волн материнства, и встает по ночам, и кормит грудью, хоть малыш соски истерзал и изжевал, и творит прочие незаметные подвиги, им же несть числа. Потому как душа проснулась, и совесть зовет, и жизнь изменилась изменением странным.

Я слышал от людей не совсем старых, но давних, что отцы их не позволяли себе даже выпить стакан газировки, зная, что дома — дети, которым нужно принести еду. Матери шили, вязали, стирали, штопали. Рады были иметь пару соток земли, обработка которой влекла боль в пояснице, но экономию в бюджете и наличие свежей морковки или петрушки на столе. А отцы появлялись дома только под вечер и ели молча при полной тишине, потому как кормилец пришел и тишины хочет. Так жили многие поколения и миллионы отдельных личностей. Сплошной труд и подвиг, сплошное вылезание из кожи. Эта память о прошедшей жизни вошла в генетические хранилища многих людей по всему миру. Дерзну сказать, что это и есть жизнь. Да, мы не хотим так больше жить. Да, многие повесятся, если им придется пожить так хотя бы полгода. Но именно это и обличает нас. Именно это и выдает в нас тех сыновей, что с удовольствием за считанные годы тратят накопленные столетиями богатства, и слышать не хотят о том, как дорого эти богатства накапливались.

Я утверждаю, что семья — это школа самопожертвования. Где нет этого качества, семьи тоже нет. Есть обманчивая видимость, готовая рассыпаться, как карточный домик, от пришествия беды, неожиданной и молниеносной. Отец не зря во времена незапамятные соединял в своем лице власть судебную, военную и жреческую. Он, из чресл которого произошли все члены семейства, был готов умереть за всех в любую минуту, а значит, имел право убить любого, кто посягал на безопасность и целостность семьи. Таким должен быть игумен монастыря. Не в плане готовности убивать, но в плане готовности за все отвечать и умереть, если надо, за духовных детей. Таким должен быть капитан корабля. Таким должен быть командир воинского подразделения, особенно, боевого, пропахшего порохом. Все эти качества берутся из глубин, из недр семейной жизни. И где она повреждена, где нет даже памяти о том, что быть должно под солнцем, там исчезают храбрые командиры, мудрые начальники, прозорливые старцы.

Семья нуждается в трудолюбии, властно требует его наличия и, если его нет, воспитывает его. Причем, не важно, кто из супругов зарабатывает больше. Нынешняя жизнь такова, что женщине бывает легче найти работу, чем мужчине. Заводы могут остановиться, а необходимость в няньках, сиделках и домохозяйках всегда остается. Кроме того, есть множество профессий, реализация в которых требует не столько физической силы, сколько смекалки, и одинаково доступна как женщинам, так и мужчинам. В этих условиях от женщины требуется некая избыточная мудрость. Одно дело считать мужчину главным тогда, когда все основные виды работ — мужские, а у женщины нет даже гражданских прав. Так было очень долго и почти везде. Поэтому смерть кормильца была истинной катастрофой, бездетная старость — тоже, а вдовы и сироты — самыми несчастными людьми на земле. Сегодня это не так.

Наличие пенсий, оплачиваемых отпусков, пособий по безработице, домов престарелых и прочие «привычные новшества» общественной жизни сняли нравственную нагрузку с семьи. Эти блага можно смело назвать социальными плодами христианской цивилизации. Если это историческая победа, то очень хочется назвать ее «Пирровой». Семья ослабла, а личность выросла в осознании своих прав. Хорошо это или плохо, однозначно не скажешь. Большая часть гражданских свобод вскормлена идеями христианства о достоинстве личности и равенстве людей. Но их практическая реализация

нередко рвет живые связи с христианским мировоззрением и плавно переходит в открытое антихристианство, в бунт и греховное своеволие.

Итак, от женщины требуется избыточное женское чутье, чтобы не повторять заезженные феминистские фразы, но продолжать считать мужа главным в семье, невзирая даже на невыгодную для мужа разницу в зарплатах. Муж бытийно, экзистенциально выше женщины, раньше и главнее ее. Добровольно склониться перед этой истиной означает реально приблизиться, если не к святости, то к идеально-правильному образу мышления. Семья иерархична. Всякому мужу глава — Христос, жене глава — муж. (1 Кор. 11:3). И мир вообще иерархичен. Если в нем сохраняется порядок, если весна и осень не меняются местами, а по утрам в магазины привозят свежий хлеб, то только потому, что не все в своей жизни человек успел разрушить и перепутать. Консерватизм семьи — главная скрепа Вселенной, главная опора ее порядка.

От женщины сегодня требуется тот же подвиг, что и от трех отроков в печи Вавилонской. Те исповедовали непоколебимое доверие Богу и надежду на Него перед пастью раскаленной, для них раскаленной печи. И отроки не отреклись, не дрогнули, не предали. Бог прославился через них, и их души сохранились. И нужно понять, что это значит. Ведь относительно легко верить в Бога при обилии чудес, помощи, очевидных и невероятных побед над врагами, как это было, хотя бы, при путешествии по пустыне. Хотя и тогда были соскальзывания в идолопоклонство, отпадения в блуд, военные поражения по причине греховных отступлений от Бога. А здесь, при всей немощи человеческой природы, перед лицом неминуемой смерти, при общенародном унижении от плена и осквернения святынь, молодые люди дерзают на исповедничество. По всему похоже, что Бог забыл их народ, или сильно на них прогневался и слушать молитвы не желает. В души многих евреев могла закрасться страшная мысль о том, что Мардук или Астарта сильнее, чем Бог Израилев. И вот здесь-то, при всей очевидной слабости, вопреки всей окружающей обстановке, совершается подвиг веры и исповедничества.

А что же женщины? При чем тут они? При том, что им предстоит признать главным и старшим над собою не Геракла и не Илью Муромца, а эмпирического мужичонку, нередко ленивого, чаще всего чуждого гениальности, обычного, то есть. Там, где такой подвиг веры и женской мудрости совершается, там именно и появляются настоящие мужчины. Там они встают со столетиями продавленных диванов, там их руки наливаются силой, а глаза начинают сверкать храбростью.

Сказанное означает, кроме всего прочего то, что семья это школа воспитания и перевоспитания. Женщина может испугаться и воскликнуть недовольно: «Что это, мол, мне еще и мужа воспитывать?!» Но, дав себе труд размыслить критически, она поймет (должна понять), что подобное влияние на жизнь — ее сила, а не обременительная добавочная нагрузка.

Есть старая дагестанская притча о том, как однажды молодежь в горном селе договорилась узнать, что лучше: выдать замуж хорошую девушку за плохого парня, или наоборот, плохую девушку — за хорошего парня. Нашли самого никудышного дурачка и женили его на первой умнице, на работающей и целомудренной девушке. А затем женили первого джигита, храбреца и красавца на последней дурочке. Уж я не знаю, как они соглашались на такие неравные браки, но притча есть притча. Через год, а может чуть больше, стали очевидными плоды этих союзов. Тот незаметный человек, который женился на умнице, постепенно поумнел. Он не вступал в глупые конфликты, стал все чаще высказывать глубокие мысли, хорошо вел хозяйство, и к его мнению стали прислушиваться в селе. Во втором случае все было с точностью до наоборот. Джигит поблек и выщвел, стал похож со временем на свою дурочку, от былой удалы и ума осталось совсем немного. Я глубоко согласен со смыслом этой притчи и подтверждаю, что женщина обладает огромным запасом внутренних сил, которыми она сама может пользоваться весьма ограниченно и которые она обязана направлять на

нравственное воспитание мужа и детей. Приходилось даже слышать об одном епископе, который просил кандидатов на священство приходить к нему на беседу вместе с молодыми матушками. В случае, если в жене будущего священника угадывалась натура цельная, твердая и простая, владыка рукополагал ставленника, пусть даже тот был «слабоват». Если же сам ставленник был умен и энергичен, но в жене его замечен был нравственный изъян (кокетливость, болтливость, несерьезность) рукоположение откладывалось на неопределенный срок. Снимаю шляпу и склоняю голову перед памятью владыки, поскольку образ его поведения открывает в нем редкий ум и знание жизни.

Женщины частенько считают, что Церковь их «гнобит» и унижает. Ради разрушения этого вредного стереотипа я согласен продолжить свою похвальную речь женщине. Она, женщина, есть существо религиозно гениальное. Мужчине Бог нужен часто, как философская идея, как способ осмысления действительности. Женщина так далеко умом не вникает, или вникает, но реже. Она верш «утробой», нутром, то есть, и ей, наверное, понятнее, чем мужчине, слова пятидесятого псалма: дух прав обнови во утробе моей (Пс. 50:12). Ее волнуют большей частью вопросы бытийные и осязаемые. Это плод того, что женщина существует ради материнства и связанных с ним добродетелей. Она, по слову Розанова, и в мир родилась «животом вперед», ради чадородия, то бишь.

Люди, ложно возвышенные, эдакие спиритуалисты разных разливов, склонны презирать подобные качества и над ними смеяться. Но я смеяться над этой земной и сыромятной правдой не намерен. Кроме того, знаю, что и Церковь сегодня немало утешается от женских добродетелей. При нашем явном лентяйстве в области миссии, миссионерские труды за пределами Родины, сами того не желая, несут наши женщины. В поисках dolce vita тысячи Даш, Маш и Наташ повыходили замуж за Махмудов, Диего и Робертов. Теперь, когда родились на чужбине от отцов-иностранцев дети, в славянских душах властно зазвучала тоска по Родине и тоска по Богу. Наши сестрицы, не отличаясь особой религиозностью дома, на чужбине отыскивали православные приходы, крестили там детей и составляют нередко костяк церковной общины. Они и мужей нередко приводят в Церковь, воцерковляют их, венчаются с ними. Это явление массовое, вряд ли уступающее по масштабам протестантской проповеди. Только это явление смиренное, как само Православие, утаившееся в быту и оттого не осмысленное. Да, братья. Да, господа. Наши зарубежные приходы в значительной части живут и действуют благодаря проснувшейся в эмиграции религиозности наших женщин. Именно женщин, а не мужчин, поскольку последние верят иначе — головой, а голова то занята проблемами, то от перепою болит.

Так было и в минувшую эпоху, когда бытие Церкви продолжилось благодаря старушечьим молитвам. Именно на этих сгорбленных старушечьих плечах Церковь переплыла из штормовой эпохи гонений в благостный штиль возрождения. Мужики гибли на фронтах и в лагерях, лезли то в космос, то в партию, спивались массово, а бабушки продолжали молиться. Гляньте на скорбные снимки официальной церковной хроники советских лет. Владыка на кафедре, а кто вокруг? В основном — женщины преклонных лет. Нужно склонить голову перед этой правдой жизни, перед этой неистребимой русской религиозностью, нашедшей для себя укромное убежище в бедовой бабской душе, чуждой рафинированного образования.

Вот с мужиками беда. Мало того, что их и в лучшие времена не хватало. Мало того, что «на десять девчонок по статистике — девять ребят». Так один из этих девяти норовит стать гомосексуалистом, а остальные, пока мама жива, о женитьбе и думать не хотят. А зачем? Половая жизнь у нас начинается рано и продолжается бурно. Женитьба, при таком раскладе, выглядит

лишними обязанностями без расширения прав. Удовольствия доступны. Обязанностей боимся. Что может быть хуже?

А девочки, если они православные, хотят себе мужа только единоверного. Где его взять, я вас спрашиваю, если мужчин и так на всех не хватает, а православие остается все еще в численном меньшинстве? Это очень острая проблема, и у меня на нее взгляд спорный. Со мной не согласны многие представители духовенства, но остаюсь при своих мыслях, которые и собираюсь изложить вкратце.

Православие мы исповедуем плохо. Это означает, что православность мужа вовсе не гарантирует его трезвости, верности и работоспособности. Есть святоши, согласные жить в браке только по монастырскому уставу. Есть лодыри, прикрывающие свою паразитскую жизненную позицию цитатами из Писания о главенстве мужа в семье. Есть множество людей тяжело страдающих от пьянства и заставляющих страдать с собой всех остальных членов семьи. Есть еще много других патологий, никак не желающих исправляться от одного только факта принадлежности человека к Православной Церкви.

Жажда семейной жизни — есть дело природы человеческой. В женщине эта жажда сильнее, чем в мужчине. Поэтому я считаю, что если мужчина не пьет, не лезет под юбку даме в первый час свидания, имеет в руках профессию и способен содержать семью, то это — сокровище. Если же он хочет детей и не будет совать деньги на аборт в случае незапланированной беременности; если он позволит вам ходить в храм, хотя сам еще не дошел до первой исповеди; если он неприхотлив, серьезен и говорит меньше, чем делает, то это подлинное сокровище. Не упускайте его. Это настоящий мужчина. Православным вы его сделать еще успеете, если Бог даст. Сказано ведь: почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? (Кор. 7:16). Да и не уезжали бы наши женщины массово за границу, выходя замуж за кого попало, если бы настоящий мужик на Родине не грозил превратиться в редкость.

Возникает попутно вопрос великой важности — как мужа к вере привести? И нужно помолчать минутку, чтобы с силами собраться. Это вопрос не простой. От правильного ответа на него многое в жизни может измениться.

Внутри семьи проповедовать и легче, и тяжелее одновременно. Внутри семьи человек не может спрятаться, его внутренний мир обнаруживается перед всеми, и главный фактор распространения веры в такой ситуации — это личный пример. Причем не однократный, а постоянный. Пример, как образ жизни. Хочешь привести домашних в веру, придется оправдывать веру каждый день. С одной стороны объект воздействия (муж, сын, дочь) — под боком. С другой — оправдать веру повседневной жизнью — задача не из простых.

Итак, первое. Говорить в семье много не надо, поскольку не в словах дело. Женщина, так та тем более должна упражняться в молчании о вере и говорить, только если спросят. Мать блаженного Августина, мать Григория Богослова сумели вымолить у Бога сыновей. Таких примеров много. Другое дело, что задача эта выполняется долгими годами, а мы отравлены спешкой. «Английский за две недели», «раскрытие тайных сил организма за три сеанса» — это наш современный подход к решению проблем.

Добродетель красива. Добродетель не может остаться непроявленной и незамеченной. Язычники древности, как нам доносит предание, не стыдились восхищаться христианскими женщинами. Особенностей вероучения они не понимали и не принимали. Но скромность, верность, доброту и великодушие они не могли не заметить.

Иногда женщине Бог дает краткое слово, стоящее дороже многих книг. Этим одним словом женщина совершает чудо, но ему предшествует неперенное многолетнее пребывание в тени и скромное молчание. Так Ефрем Сирийский смирился, когда сделал замечание женщине, в упор глядевшей на него. «Я — жена, и на мужа смотрю, как от мужа взятая. А ты — муж, смотри в землю, ибо от нее взят», — сказала в ответ женщина. Вряд ли это был заготовленный заранее ответ. Так одна молодая женщина в ответ на вопрос своего мужа-мусульманина, зачем она так часто ходит в храм, сказала: «Меня там учат любить тебя и быть тебе верной». Муж больше не спрашивал ее о причинах посещения церкви.

Получается, что длинных слов не нужно. Кажется, мир давно устал от длинных слов и не склонен им доверять. Вот чего в мире действительно не хватает, так это здорового и подлинного духовного опыта и слов, рожденных этим опытом. Нами должно руководить искреннее желание дать славу Богу, дать Ему место в нашей жизни. Не себя, но Его прославить, иными словами. Митрополит Антоний Сурожский сравнивал истинное слово о Боге с солнечным светом, вливающимся в комнату через чистое стекло. Тогда стекла не видно, его как бы нет. Есть только свет. Грязное же стекло очень даже видно. Свет тоже вливается в помещение, но стекло нельзя не заметить. Желая поделиться радостью о Господе с домочадцами, мы должны стремиться делать это так, чтобы нас самих было как можно меньше заметно. Так нужно, собственно, поступать всегда. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу. (Пс. 113:9).

Тот, кто не хочет развиваться, обречен на деградацию. Действие этого закона универсально. Семейной жизни он тоже касается. Не имея положительных целей, мы потеряем вначале смысл, а затем желание жить. Отсюда растут ноги у блуда, наркомании, пьянства и прочих видов медленного самоубийства. Положительной же целью является стремление и желание угодить Богу, стать вначале Его слугой, а потом — Его храмом и украшенным жилищем. К этой цели можно стремиться, находясь в браке и неся на себе, по слову Григория Богослова, тяжелые цепи вещества. Живя в браке, на столп не взойдешь, ночи на молитве простаивать не будешь, но терпению и незлобию будешь учиться непрерывно. Еще будешь учиться милостыне и состраданию. Будешь все чаще думать о ком-то и все меньше — о себе. Ты будешь нуждаться в мужестве, рассудительности, бережливости и еще сотнях свойств и качеств, которые на языке монахов называются добродетелями.

Собственно, это и есть главная цель этих строк — дать понять, что возможность нравственного совершенства не закрыта для семейного человека. Более того, нравственное совершенство вменяется ему в обязанность.

Были эпохи мученичества и исповедничества. Были эпохи культурного созидания. Были эпохи монашеского чудотворного жития. Были эпохи миссионерских усилий и путешествий. Все это осталось, хотя не все одинаково и не везде. Но добавилось еще одно: эпоха борьбы за семью, как последний оплот борьбы за человека. Если эти баррикады разрушит враг, не будет ни монашества, ни миссионерства, ни культурного созидания. Такой мне представляется действительность.

Все святые, молитесь Бога о нас!

Вооружиться мыслью

Начинаемый разговор не просто труден, он тяжок. В одной из молитв, содержащихся в Требнике, священник просит Бога о милости к людям, «плоть носящим и в мире живущим». Мы именно таковы: носим плоть и живем в мире. Мы не победили страсти, но страсти до сих пор командуют нами. Мы не вышли из мира и не преобразили мир, но мир вертит нами туда и сюда, налагает оковы обычаев и привычек, грозит насмешкой или даже гонениями в случае неповиновения. Но будет совсем плохо, если мы замолчим от усталости или от ложного смирения. Будет совсем плохо, если грех не будет обличен, а христиане перестанут непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его (Евр. 13:15).

Поэтому, имея тот же дух веры, как написано: «я веровал и потому говорил», и мы веруем, потому и говорим (2 Кор. 4:13). Говорить же хотим о блуде — не просто как о нарушении седьмой заповеди, но как о сложно выстроенной системе, убийственно действующей на веру.

Языческие культы древности были неразрывны с культовым развратом. Гнев Божий, озвученный пророками, был направлен на этот двойной разврат: разврат ума в отпадении от Бога и разврат плоти в служении ложным богам — по сути, бесам. Ложная вера — это корень зла в понимании ветхозаветных праведников, а злое и неистовое поведение — плоды от этого корня.

В наше время возможен обратный процесс. Раньше зловерие рождало разврат. Сегодня стоит ожидать, что из недр бытового и массового разврата на свет выползет какой-нибудь культ, восставшая из пепла языческая практика. Собственно, почему из пепла? В бесчисленных храмах Индии ежедневно на фаллические изваяния, в строгом соответствии с ритуалом, в положенные часы возливают топленое молоко, масло, йогурт, сыпят лепестки цветов, надевают венки и гирлянды.

В христианском мире блуд — это блуд. Он есть, но он назван по имени. За пределами христианского мировоззрения блуд — это таинство. О сексе нынче принято говорить так много и с таким серьезным видом, что скоро тема «нижней чакры» будет предваряться зажиганием ароматических палочек. Да и сегодня уже трудно найти журнал, в котором между статьей о масках для кожи лица и заметкой о размещении полочек в ванной не нашлось бы статьи «про это».

Какой-нибудь культ вокруг блуда, как воздух, нужен тем, кто не мыслит жизни без блуда. Культ дает иллюзию значительности, серьезности, таинственности. Он развратника превращает в «жреца». Много ли нужно одномерному человеку, чтобы ощутить восторг приобщения к «тысячелетним традициям»? Несколько иностранных слов (типа «кундалини», «лингам» и «йони»), несколько экскурсов в мифологию — и человек на долгие годы обеспечен мнением, что он не просто нарушитель заповедей, а адепт древних практик.

Читая историю Ветхого Завета, не устаешь удивляться, почему евреи не вырубали до конца эти «священные рощи», за которые на них так гневался Господь? Почему вплоть до самого вавилонского плена их борьба с идолопоклонством была, в лучшем случае, половинчатой? Такие недоумения продолжаются до тех пор, пока не посмотришь на дело изнутри. Язычество вовлекало в похоть, дразнило, разжигало. Оно проникало внутрь чрева, как запретное лакомство. Грех овладевал сердцем, и выгнать его вон было тяжелее, чем отбить у врага захваченный им город.

И было ко мне слово Господне: сын человеческий! Сии люди допустили идолов своих в сердце свое и поставили соблазн нечестия своего перед лицом своим: могу ли Я отвечать им? (Иез. 14:3).

Идол блуда, стоящий во святилище сердца, — вот диагноз, страшный и правдивый. Не так страшно то, что язычники, захватывая святой город, врываются в Храм и ставят мерзостных истуканов в священных притворах. По-настоящему страшно то, что идол блуда проникает в самую глубину сердца и оскверняет молитву, и делает ненастоящим покаяние, и затаивается на самой глубине человеческой души, ожидая удобного часа, чтобы заявить о своих правах на человека.

Ветхий Завет можно прочесть под этим углом зрения: многочисленные отпадения Израиля от Бога по причине крайней соблазнительности идолопоклонства. Есть блуд, а есть дух блуда (Ос. 4:12). Этот дух уводит человека от Бога: блудодействуя, они отступили от Бога своего (Ос. 4:12). Пророк Осия, сказавший эти слова, имел свой особый опыт постижения их глубины и боли. Ему Бог повелел взять в жены блудницу. Исполнив это, пророк узнал, какую нравственную муку приносит неверность, какую муку приносит Богу неверность Его людей. Отпадение от Господа уподоблено супружеской измене, более того, многократным, непрекращающимся изменам. Эта сцепка действует и в обратном направлении, то есть распутная жизнь приводит к забвению Бога, к измене Ему. Об этом Осия тоже говорит: Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда внутри них, и Господа они не познали (Ос. 5:4). «Дух блуда». Запомним это словосочетание.

Пророки упрекали израильтян в том, что те кланялись дереву, вопрошали жезл, бездушному металлу говорили: «Ты — отец наш». Но эти обличения были борьбой, происходящей на поверхности. Наивен тот, кто думает, что еврея в древности хлебом не корми, дай лишь преклонить колени перед языческой статуей. Не таким простым было (и остается) язычество. Не одни запреты нужны, чтобы языческие соблазны преодолеть. Истинная борьба происходит в глубине — там, где заканчиваются рациональные доводы и дух противостоит духу, сила — силе, а чудо — чуду.

Моисей перед лицом фараона совершал необычные вещи: превращал жезл в змею, наводнял жабами землю египетскую. До некоторого времени и волхвы Египетские сделали то же своими чарами (Иех. 7:11). Сила египтян истощилась, когда персть земная сделалась мошками (Исх. 8:17). Далее действовал Моисей, а египтяне терпели. Подобным образом Илия не ограничивался доводами рассудка и напоминанием заповедей Закона. Он вызвал жрецов Ваала на состязание в чуде, при котором проигравшую сторону ждала неминуемая смерть! Это были точки крайнего напряжения в ветхозаветной истории. Именно эти двое — Моисей и Илия — явились преобразившемуся Христу на Фаворе, Христу, принесшему в мир нравственные требования неподражаемой высоты. Эти двое были ближе всех ко Христу, живя до Его пришествия. Они говорили и действовали с силой и властью, подобно тому, как впоследствии действовал и говорил Сам воплотившийся Господь.

Итак, дух должен победить дух. Дух целомудрия и праведности должен одержать победу над духом блуда и нечестия. К этой мысли нам придется возвращаться неоднократно и в жизни, и в печатном слове. В молитве Ефрема Сирина, которая, если не по великопостному богослужению, то хотя бы по пушкинскому поэтическому переложению должна быть известна многим, тоже об этом говорится. «Дух праздности, уныния, любоначалаия, празднословия не дай мне» — с одной стороны. «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения, любви даруй мне» — с другой. И там, и там — просьба о духе.

То же противостояние разных «духовных практик» можно наблюдать на всем пространстве священной истории.

Вот слова Иеремии: Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба и совершать возлияния иным богам, чтобы огорчать Меня (Иер. 7:18). Здесь видно, что греховный образ жизни вовлекает в свою деятельность всех: и отцов, и детей, и женщин. Но, можно увидеть и то, что церемония имеет эротический характер. Текст намеренно скуп. Во-первых, все знали, о чем идет речь. Во-вторых, не стоит соблазнять несведущих.

В наше время гей-парадов и легальной порнографии последний аргумент не работает. Эротичность празднования в данном отрывке заключается в том, что пирожки лепились в виде женских половых органов. И сам праздник, посвященный Астарте, заканчивался оргиями. Эта сторона языческой действительности неплохо изучена и подробно описана. Все это было не просто стыдливым развратом, боящимся солнечного света, а мощным потоком различных ритуальных действий, где были стонущие флейты, ритмичные удары в бубны, совокупления, и жертвоприношения. Действия совершались не то что без стыда, а с гордостью. Честный коммунист с меньшей радостью ходил на первомайскую демонстрацию, чем тогдашние женщины на регулярную сексуальную повинность в храм богини.

Сопротивляться организованному греху так же трудно, как трудно не приплясывать, оказавшись в гуще карнавального шествия. Повторю в который раз: не истуканы соблазняли евреев, а дух блуда вводил их в заблуждение. Собственно, тот же дух, который вводит в заблуждение и нас с вами. Слава Богу, что живем мы в те времена, когда нравственность нашего общества вопреки всем лихолетьям все еще не утратила мощного запаса прочности, вложенного в нее Евангелием.

Или вот еще картинка. Бог, в видении, взяв пророка за волосы, переносит его в Иерусалим, чтобы он увидел мерзости, за которые дом Иудин будет наказан (см. Иез. 8). Пророк видит идолов, видит старейшин Израиля, стоящих с кадильницами в руках перед изображениями пресмыкающихся и нечистых животных. Видит женщин, плачущих по Таммузе у входа во врата дома Господня. Рассказ идет по нарастающей. Вид плачущих женщин — предпоследняя мерзость. Последняя мерзость — это люди, стоящие спиной к Храму и молящиеся солнцу. Чем же страшен этот женский плач?

Для ответа нужна справочная литература. Она расскажет нам о том, что Таммуз, или Фаммуз, есть мифологический персонаж, юный любовник Иштар (Астарты). Ему случилось умереть и сойти в царство мертвых, отчего Иштар предалась безграничной печали. Земля не рождала и люди не зачинали из-за печали богини. Затем она спускалась за возлюбленным и воскрешала его, а в память об этом наступали торжества любви и веселья—языческого веселья и соответствующей любви.

За фасадом этой трогательной истории была все та же храмовая проституция, пляски изнеженных мужчин с выбритыми бровями, слезы, переходящие под вечер в буйство и т.д. Все это было известно евреям еще по временам жизни в Египте, поскольку история Фаммуза и Астарты совпадала с историей Осириса и Исиды. Этот сюжет вообще можно назвать бродячим, настолько часто он встречается в различных культурах. Все это не переставало владеть сердцами людей, которых Бог приблизил к Себе, хотя география их жизни и имена идолов многократно менялись. Дух блуда не менялся, и этот дух вновь и вновь вводил людей от Бога.

Сами «священные роши», которые рубили-рубил, но до конца не вырубили, есть по названию не что иное, как эвфемизм. Буквально, это ритуальные высоты, на которых могли стоять фаллические символы и росли деревья, о которых Осия говорил: Хороша от них тень; поэтому любодействуют дочери ваши и прелюбодействуют невестки ваши (Ос. 4:13).

Временами речь пророков доходит до гневного натурализма, и становится понятным, почему до совершеннолетия некоторые книги Писания читать было нельзя: Иона умножала блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле Египетской; и пристрастилась к любовникам своим, у которых плоть —плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов. Так ты вспомнила распутство молодости твоей, когда Египтяне жали сосцы твои из-за девственных грудей твоих (Иез. 23:19-21).

Все это —не обвинительные статьи по приговору евреям в некоем особенном разврате. Все это — приговор человечеству, которое ходит по кругу, как вьючное животное, вращающее жернов, и повторяет одни и те же грехи. Вопрос в том, как бороться с похотями? Как противостоять развращению? Какую культурную альтернативу противопоставить комфортной и технологичной культуре нового Содома?

Есть эпохи, которые на человека налагают множество внешних ограничений. Нутро остается неисцеленным, но пружина сжимается. Тогда стоит снять внешние ограничители — и пружина распрямится с огромной силой. Наступит период вседозволенности и мнимой свободы. Психопаты, чей внутренний мир был завязан в узел, «развязываются» и реализуют свои мечты. Но здоровей от этого не становятся. Раскрепощенность—такая же патология, отвратительная по проявлениям, вызывающая об ограничении ко всему тому здоровому, что осталось в человеке.

Все разрешить и все запретить — это попеременное ошпаривание и замораживание больной человеческой природы, это пытка, ведущая к смерти. Человека нужно исцелять, а не облагать запретами или раскрепощать до края.

Если блуд кем-то побеждается, то только в результате войны, причем войны жестокой. Война же не начинается просто так. Нужна ясная цель, нужна осязаемая необходимость: либо ты, либо тебя. Либо грех до конца опозорит и уничтожит тебя, либо ты уничтожишь его, лишив власти над собой. Все это становится возможным только при наличии веры, при живом ощущении того, что существует жизнь иная и что она, в отличие от этой жизни, вечна.

Если бы блуд побеждался без войны, Писание не похвалило бы Финееса. О нем говорится в 25-й главе Книги Чисел. Финеес пронзил копьем двух блудящих людей: еврея и мадианитянку. Почему это убийство было угодно Богу, пойдем из контекста.

Путешествие еврейского народа было тяжелым не только из-за суровости пустыни. Им также препятствовали окрестные народы. Путешествовать приходилось так, как впоследствии, после возвращения из плена, приходилось восстанавливать Храм: не выпуская из рук оружия. При этом было замечено и евреями, и их врагами, что грех обессиливает израильтян и, что главное, превращает Бога из Помощника — в Мстителя за грех. Поэтому воевать старались с евреями хитро: не столько оружием, сколько соблазнами, из которых блуд — самый эффективный:

Дочери мадиамские были соблазнительны и нарочито доступны. К ним в палатки входили евреи ради удовольствия, но Бог платил им за это различными казнями. Народ не вразумлялся. Продолжающаяся череда блуда и наказаний грозила полным истреблением. Тогда Финеес, восплавав ревностью о Боге, вошел в одну из таких «кущей любви» и убил обоих: еврея и иноплеменницу. За это Бог пообещал не отнимать от его потомков священство в роды родов, а он был внук Аарона.

Все это было бы далекой историей, не касающейся нас непосредственно, если бы не был прав Павел: Все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду (Рим. 15:4). История Исхода яркими красками живописует выход человека из рабства диаволу. Египет — страна угнетения, аналог той страны, в которой блудный сын пас свиней, желая насытиться их, свиной, пищей. Водная преграда — Крещение. В его водах тонет преследователь, но сам крещаемый выходит из воды живым. Далее — длинный путь, полный опасностей, питание манной, этим прообразом Небесного Хлеба — Евхаристии, и множество священных событий, чей смысл раскрывается лишь в Новом Завете. Так медный змей прообразовывал Христово распятие, и Моисей, молившийся при битве с Амаликом, простирая руки крестообразно, тоже прообразовывал Крест. И вода, потекшая из скалы, и процветший жезл Аарона — все это оттуда, из истории Исхода. Все это — о Христе, и, значит, касается нас.

Победное шествие евреев, как мы уже вспомнили, останавливали не столько мечом, сколько блудом. Значит, и наше продвижение к назначенной цели, к Небесному Царству, будут стараться остановить тем же способом. Лукавый умеет извлекать свои выводы из истории. Он продолжает действовать проверенным методом, видя, сколь великой поражающей мощью обладает его оружие. Апостол Павел видел необходимость связывать в сознании верующих людей события древности, видел необходимость представлять описанное в Книге как текст, написанный о нас самих, а не просто

о ком-то далеко. Это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: «народ сел есть и пить, и встал играть». Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. (1 Кор. 10:6—8).

Нам нужна ревность Финееса, ревность, обращенная не на кого-то блюдящего, но на себя соблазняющегося.

Ревность должна выражаться не в посягательстве на самоубийство, а в готовности бороться с грехом даже до крови. И восстал Финеес и произвел суд, — и остановилась язва. И это вменено ему в праведность в роды и роды во веки (Пс. 105:30,31). Говорят, Арсений Каппадокийский целовал страницу Псалтири, когда доходил до указанных слов.

Собственно, и евангельский голос Христа тоже зовет нас на борьбу бескомпромиссную, которая чревата страданием: Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну (Мф. 5:29,30). Эта борьба была бы ненужной и бессмысленной, если бы спасение не требовало труда, если бы соблазны не препятствовали вере:

Добавим лишь, что не к членовредительству, но к тяжелой борьбе призывает Своего ученика Господь. Там, где нет борьбы, нет и победы. Но есть там скрытое рабство, тем более опасное, чем более оно завуалировано.

Перечисляя общие для безблагодатного человечества болезни, апостол Петр говорит: Довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению (1 Пет. 4:3). Все составные части налицо. Чревоугодие и пьянство разжигают плоть, идолослужение легитимизирует разврат, придает ему вид «традиции» и связывает с мировоззрением. Скотоложство и содомия — в свою очередь, на своем месте. Но обратим внимание на помыслы. Блуд, оказывается, живет не в плоти, а в голове. Точнее, в голове и в сердце — именно там, где зачинаются и вынашиваются мысли, затем превращающиеся в поступки.

Нам может казаться раз и навсегда выясненным вопрос о том, кто кого ведет в грех: плоть тянет за собой душу. Чего тут еще не ясно? Плоть тяжела, смертна, привязана к миру. Она — темница души, она — гири, препятствующие полету. Примерно так мыслили античные греки. Так же мыслили гностики — «приемные дети» античных греков. Но ни те, ни другие от разврата не убежали. Более того, и те, и другие разврат оправдали, встроили в свое мировоззрение, облекли извращения в ризы высокоумия. Значит, не все так просто.

Человек не ограничен инстинктами. Он умен и свободен. Именно поэтому его грехи так страшны и превосходят жестокость и похотливость животного мира. Еда и размножение животных не покидают законных границ инстинкта. Это не кровожадность и не разврат, которые столь часто встречаются в мире людей. Человек не может быть просто животным. Даже напрочь отказавшись от стремления к Богу, человек не будет животным. Он обречен быть или хуже животных — в случае отказа от Божественного призвания, или лучше, выше животных — в случае исполнения Божественного замысла. Непреложны дары Бога. Свободу и ум Он от нас не отнимает. И от того, как человек использует ум и свободу, зависит его жизнь здесь и в вечности.

«Умный труд» — такое словосочетание наверняка встречалось людям, знакомым с аскетической письменностью. Умный труд — это бодрствование, внимание, молитвенное призывание

Бога. Без этих сложных внутренних усилий грехи не преодолеваются и не побеждаются. В том числе и грехи плоти.

Развращенный ум гораздо чаще тянет послушную плоть на блуд, чем разгоряченная плоть ослепляет разум. Там, где случилось единократное падение, там ум сдался влечению плоти, и еще раньше — напору помыслов. Вслед за падением следуют слезы, исповедь, покаянная печаль. Но там, где грех стал нормой, там, где грех одет в высокоумие, там душа непрестанно развращает покорную плоть и придумывает для совести оправдания. Возможно, это те самые глубины сатанинские, о которых говорит Апокалипсис (Откр. 2:24).

Мария Египетская считала удовольствия плоти истинным смыслом жизни и грешила не тайком, а открыто и «по совести». Именно в области ума она и перетерпела самую острую муку, поскольку плоть ее высохла за год, а с помыслами она боролась, как с дикими зверями, семнадцать лет и без перерыва. Борьба с помыслами тяжелее борьбы с плотью. Это знали и язычники, рекшие что раны души врачуются медленнее и тяжелее, нежели раны плоти. Твое тело измождено, твой язык прилип к гортани. Твое дыхание смрадно от неядения, но ты все еще воспаляешься похотью. Не только когда видишь что-либо соблазнительное, но и тогда, когда удаляешься от всех и от всего. Это потому, что похоть живет не в почках, не в селезенке, не в семенниках, но в уме, по преимуществу. Оттуда царская власть ума распространяется на подвластное тело, и весь человек согрешает. Вся соль в уме.

Поэтому идейный развратитель опаснее того, кто открыто посягает на честь. В последнем случае на стороне жертвы—совесть, стыд и гражданские законы. Если же позволить шепоту рассуждающего о жизни «мудреца» проникнуть в сознание неокрепшего человека, если этот шепот оправдает грех и разрисует его яркими красками, то человек сам ринется в омут, и никто его не удержит.

Набоков ничем не был похож на развратителя миллионов. Когда, уже будучи стариком, он регулярно выходил на прогулки с шахматной доской под мышкой или с сачком для ловли бабочек в руках, в нем трудно было разглядеть разрушителя традиций и тонкого совратителя. Милый старик, изрядно образованный, преданный невинным удовольствиям... И тени изнасилованных нимфеток не стояли у него перед глазами, как «мальчики кровавые» у другого известного персонажа. Но эти обманутые и искалеченные девочки были, их было много, поскольку одно дело — блуднику пускать слюни, глядя на ребенка, а другое — узнать себя в персонаже известного произведения. Только Страшный Суд низвергнет с пьедесталов ложных героев, которым сегодня по неразумию поклоняются люди, лишённые ума, но обладающие рассудком. Только Страшный Суд даст правильную оценку трудам человеческим вообще, и интеллектуальным в особенности.

Блуд не приходит один. Как ни странно, он приходит в обнимку с убийством. Это невероятно, но факт. С одной стороны — сладость и замирание дыхания, а с другой — кровь и буйство кровопролития. Возможно ли это? Да и сто раз да. История царя Давида должна убедить нас в этом (читайте в Книгах Царств историю грехопадения этого царя и пророка).

Как винные пары застилают разум упившегося человека, так и парение похоти действует на ум. Вся история человечества, а не только случай с Давидом, тому доказательство. Желание запретных удовольствий, блуд совершившийся, убийство свидетелей, ревность, аборт как убийство прелюбодейного плода и многое, многое другое. Кровь следует за блудно разлитым семенем.

По ветхому закону равно нечистыми считались как женщина в период месячного очищения, так и мужчина, имевший истечение семени. Кровь и семя здесь равно виновны в ритуальной

человеческой нечистоте. Виновны не они сами по себе, но виновен человек, имеющий истечение. Во всем этом есть глубина и иносказание.

В крови — душа, но сама кровь — в семени. От семени зачинается человек, чья кровь будет в душе. Семя выше крови. Не зря Церковь на протяжении долгих столетий подчеркивает Христово безсеменное зачатие и Рождество. От Духа Свята и Марии Девы родился Христос. Но это уникальное рождение без семени мужа лишь подчеркивает важность правильного отношения к жизни пола у людей простых, но в Бога верующих.

Семя нельзя изливать как попало, с кем попало и куда попало. Прелюбодейное излитие семени есть тайный вид кровопролития, вернее — залог будущих кровопролитий.

Если некая культура узаконит разврат, то тем самым она узаконит человеческие жертвоприношения. Это — неизбежный закон, рожденный внутренней логикой. Раз ты блудишь открыто и ритуально во славу своих «богов», то ты будешь лить чью-то кровь, открыто и ритуально, во славу тех же «богов». Если же ты блудишь тайно, но неистово, ты тоже будешь проливать кровь, так же тайно, и так же преступно. Например, через аборты.

Зверствам Гитлера, неправдоподобному бесчеловечию его «фабрик смерти» мы ужасаемся. Но сами создаем или молча соглашаемся с уже созданными «фабриками смерти» для неродившихся младенцев, соглашаемся безо всякого ужаса, с полным бесчувствием. Это — культ Молоха в его новейшем варианте.

Мы не висим в воздухе. Мы твердо стоим на почве, хранящей следы прожитых столетий. Половой вопрос всегда сопровождал масштабные процессы переустройства жизни. Часто было так: разнудать, чтобы взнудать. Сначала — теории обобществления женщин и детей: «Стакан воды», «Любовь пчел трудовых» (книга товарища Александры Коллонтай). Сначала ниспровержение буржуазной морали, то есть доведение до логического конца «передовых» идей самой буржуазии. Например, революционно мыслящие ученые Советской России пытались экспериментально доказать правоту предположения о происхождении человека от обезьяны. Для этого молодые добровольцы обоих полов спаривались в научных целях с человекообразными обезьянами противоположного пола. Запад визжал от восторга! Он всегда восторженно визжал, когда мы творили невесть что, и угрюмо замолкал, когда мы приходили в разум и начинали исправляться.

Затем, когда комсомольские упражнения с комсомолками потеряли идейный вид, началось завинчивание гаек, суровый аскетизм и сублимация энергии в сторону войны и стройки. В это время сама буржуазия, видя ужасно воплотившимися собственные идеи, из чувства самосохранения возвращается к классической морали, семье, обузданию похоти. Такова была история первой сексуальной революции в России.

Затем, уже после Великой Отечественной войны, мы делали вид, что у нас другая природа, пытались украсить и очеловечить социализм. А в это время сытый мир по ту сторону преграды, названной Черчиллем «железным занавесом», сходил с ума и томился желанием явно заняться тем, чем уже давно занимался тайно.

В 1953 году в Чикаго в свет выходит первый номер журнала «Плейбой». Это — официальная дата новой волны сексуальной революции. Сначала, вроде бы, ничего особенного, ничего развратного. Ну, подумаешь, в середине журнала — вкладыш с фотографией красотки (в первом номере ею была Мэрилин Монро из фотосессии 1949 года). Смесь юмора, разговоров о культуре; о сексе — только между делом. Серьезные авторы в заглавиях. Набоков тот же, Маркес, Хемингуэй. Но с этих лет в культуре новейшей эпохи уже будет трудно разобраться, где кончилась культура и началась порнография; или где порнография не думала заканчиваться, но все это, тем не менее, относится к

культуре. «Где заканчивается Беня Крик и где начинается полиция?» — спрашивали одесситы в рассказах И. Бабеля. Жанры перетекают друг в друга, оскароносные актеры снимаются в сценах с максимальными ограничениями по возрасту, классические произведения становятся основой для порно-сюжетов. И самым опасным итогом оказывается неразличимость граней, стирание границ между высоким и запретным. Это и есть, надо понимать, Вавилон, то есть «смещение», когда критик вынужден сказать (о фильме «Калигула»), что для истории слишком много порнографии, а для порнографии слишком много истории.

У греха всегда есть собственная идеология. Она может выстраивать систему оправданий из средств, заимствованных у мифологии, у науки, у чего угодно. Главное, она должна быть, так как без нее грех потеряет притягательную силу, и вместо обманчивой подделки под истину станет просто синонимом проклятия. Этой безыдейности грех себе позволить не может.

Какими средствами до всемирного потопа среди людей распространялся грех и греховная идеология? Нет сомнений, что до потопа люди грешили не от случая к случаю. Не по немощи и не от усталости они уступали греху. Они грешили сознательно, непрестанно, целенаправленно. Радикальность мер, которые употребил Господь для уничтожения распространившейся греховной заразы, сам потоп — доказательство необычайной масштабности греховного развития в тогдашнем мире. Греховная деятельность была смыслом жизни, подобно тому, как было смыслом жизни для недавних богоборцев разрушение храмов и убийство верующих.

Так какими же средствами распространялся грех в те далекие годы? Никакими, кроме личного примера и массового беснования, способного втянуть в свои глубины слабого человека. Технических средств у греха тогда не было. Правда, добавим то, что жили тогда долго, здоровы были невероятно. Грех еще не успел разлечь природу человека, обессилить ее. Кстати, кладбищ не видели. Смерть не уцеломудривала, не приводила души в страх и умиление. Долгая жизнь и невероятно крепкое здоровье (вещи столь вожделенные для нынешнего человека) обернулись неожиданной бедой — тотальным развратом и общей гибелью.

Нынешние процессы отличаются от тогдашних быстрым распространением любой заразы при помощи технических средств. Россию в девятнадцатом веке можно было поколебать, а в двадцатом сокрушить всего-навсего печатным станком и прокламациями. Вот что такое проигранная идейная борьба! Когда-то Павел услышал при матери — императрице Екатерине — о революционном мятеже. «Я бы их из пушек!» — в сердцах сказал он. «Экий ты дурак, — отреагировала мать. — Разве против идей можно воевать пушками?»

Стоит ли объяснять, что в эпоху массовых коммуникаций, при помощи радио, ТВ и Интернета любая цель достигается гораздо быстрее и легче?

Если правда то, что разврат гнездится не в плоти, но в уме, то правда и то, что распространять разврат легче при помощи «умных» технологий. Не прикасайтесь к человеку, не обнимайте и не целуйте его. Покажите ему кино. Дайте ему прочесть книгу. Все остальное совершится само, словно вы завели механизм, а потом отпущенная игрушка побежала по полу.

Отраженная реальность, именуемая искусством, имеет над человеческой душой силу великую и таинственную. И одно дело, когда художник может сказать, что «чувства добрые я лирой пробуждал», «над вымыслом слезами обольюсь» и проч. И совсем другое дело, если художник эксплуатирует имеющуюся в наличии похоть и на нее обращает действие своих произведений.

Вот, Бог, говоря через Иезекииля, произносит: Эта еще умножила блудодеяния свои, потому что, увидев вырезанных на стене мужчин, красками нарисованные изображения Халдеев... она

влюбилась в них по одному взгляду очей своих и послала к ним в Халдею послов. И пришли к ней сыны Вавилона... и осквернили ее блудодейством своим (Иез. 23:14 — 17).

Когда внутри живет похоть и есть греховный навык, любой художественный образ греха приводит сердце в томление и разгорячение. Тогда, рано или поздно, душа пойдет на грех («пошлет послов в Халдею») с той степенью обреченности, с какою вол идет на убой.

А теперь представим, что мужчины, нарисованные красками, ожили перед взором блудливой дочери Израиля из приведенного пророчества. Представим, что не стенные росписи, а порнофильм на простыне показали и без того оскверненной душе. Эффект умножится неимоверно. Наше время и есть то время, когда все порнографические сюжеты, собранные со всех мозаик Помпей, со всех красноглиняных чаш эллинов, со всех индийских миниатюр и статуй, опоясывающих фронтоны соответствующих «храмов», ожили, задвигались при помощи киноплёнки и цифровых камер.

Конечно, кино не изобрело грех. Оно его зафиксировало. Оно впитало все жанры настоящей жизни и отобразило их вскоре после своего появления. Сначала на зрителя побежал прибывающий на станцию поезд, но вскоре из поезда вышли знакомые лица. И триллер, и порнофильм, и глупенькая мелодрама появились очень быстро, почти вслед за изобретением. Потому что кино придумал человек, и детище отобразило в себе все интуиции того, кто его родил.

Для нас, в рамках затронутой темы, важно отметить особую притягательность, которой обладает грех, выраженный средствами искусства, самым массовым и доступным из которых является кино. Если сравнить грех с боеголовкой, то искусство — лучше чего бы то ни было — способно играть роль средства доставки, ракеты. И цели для такой ракеты не точечные, а площадные, поскольку речь идет буквально об оружии массового поражения.

У человека, не дай Бог, начались проблемы с седьмой заповедью — значит, закончатся они не скоро. Начинаются же эти проблемы нередко с забытого папой в ящике стола «взрослого» журнала, с найденного случайно ребенком диска с фильмами, предназначенными для закрытого просмотра. Однажды же возникнув, эти проблемы не просто долго длятся, но грозят никогда не исчезнуть.

Филипп Македонский открывал ворота вражеских крепостей при помощи осла, груженного золотом. В наше время роль осла и золота может играть экспорт образа жизни, культурная экспансия. Советский Союз, по крайней мере, был разрушен не залпами орудий, а контрабандой порнофильмов. Да и в освобожденном от Садлама Ираке кинотеатры «для взрослых» появились сразу вслед за танками «Абраме». Если сломать культурный код покоренного народа, если пощекотать его там, куда он до сих пор по скромности залезть не додумался, то он — твой. Не телом твой, но больше, чем телом, — потрохами, мыслями, образом жизни. Человек, которого научили грешить «со вкусом» — это индеец, за нитку перламутровых бус продающий Манхэттен. Людям с практичным умом и дьяволом в сердце очень не хочется упускать возможности для подобных сделок.

Блуд, проникший в кровь, на правах хозяина овладевший разумом, неизбежно проявится в артефактах. Человек снаружи хочет видеть то, что у него внутри. Все, чем мы себя окружаем, есть манифестация нашего внутреннего содержания. Дохристианская культура различных народов открыто порнографична. Там дело касалось природы, а что природою, естественно, то и не зазорно. Я говорю это не о статуе Венеры Милосской, не о Лаокооне, не о тех «канонизированных» образцах античности, которые у нас связаны в мозгу с понятием «античной культуры». Я говорю о тех статуях и рисунках, которые были рядом с «Дискоболом», но не вошли в школьные учебники. Этим последним было больше. Еще больше этого добра было за пределами эллинистического мира, и любой специалист по истории и культуре, скажем, Перу, подтвердит мои слова. Что говорить о тех, кто не

знал писаного нравственного закона, если те, кто его знал, повторяли общечеловеческие грехи с ненасытимостью.

И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними (Иез. 16:17). В данном случае «мужские изображения» это и артефакт, и драгоценность, и идол, и (возможно) эротическая игрушка. И это было, говорит Господь (Иез. 16:19). Это и сейчас есть, а не только было — скажем мы, осмотревшись вокруг.

Вы садитесь в такси и видите фото известного боксера, приклеенное на приборной панели. «Водитель любит бокс», — думаете вы, хотя вы не Шерлок Холмс, и смело начинаете разговор о Косте Дзю или Джо Фрезере.

Вы садитесь в такси и видите прикрепленный к зеркалу заднего вида брелок с голой красавицей. Вы — не Шерлок Холмс, но понимаете, чем занято сердце водителя. Но вот незадача! На зеркале вы видите брелок с неюдетой женщиной, а на «торпеде» — иконочку Богородицы! Здесь что думать?

Этот вариант — самый противный и самый распространенный. Это — Вавилон, то есть «смещение». Не смещение языков, людей, культур, но смещение понятий, превращающее жизнь в абсурд. Это — второе блюдо, сброшенное в тарелку с первым, на основании той мысли, что «внутри все перемешается».

«Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил... Что ему представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей. Последняя часть цитаты известна многим. Но важен весь монолог Дмитрия из «Братьев Карамазовых». Важен, потому что дает понятие о борьбе за целомудрие как о борьбе тяжелейшей, и, притом, борьбе с самим собой. Те, кто желает побед, доставшихся случайно и пришедших «сами собой», похожи на лжепророков, о которых сказано: Врачуют раны народа Моего легкомысленно (Иер. 6:14).

Сколь многие энтузиасты растворяются в мелочах и второстепенных деталях, собираясь заняться исцелением. Скажут: «Смой косметику, надень длинную юбку, веди себя прилично». Скажут, чего нельзя, но не скажут, что надо. И разве в эпохи длинных юбок и чопорного поведения не было разврата, порой неслыханного? Самые пуританские по части моды эпохи знали своих мессалин и иезавелей. Юбки до пола не мешали этим фуриям сбрасывать стыд вместе с юбками. Поэтому не во внешних одеждах будем полагать основание нравственности.

Взрослые дяди с галстуками на шее, тайно живущие по кодексу Содома и Гоморры, придумывают молодежную моду для еще стыдливых по возрасту и невинных детей. Дети кажутся нам воплощением развязности, но это — обманутые души. Настоящий разврат царит там, где он смешан с запахом больших денег и претензией на рафинированную культуру. Нам же что противопоставить?

Изведя столько времени и сил на цитирование пророков, скажу языком пророков. Нам нужен страх Божий. Это — начало премудрости. Им уклоняется всякий от зла. Это необходимый рубеж богопочитания. Не воспитаем в себе страх Божий — незачем продолжать разговор, и разговаривать дальше не о чем. Нужно бояться Бога. Аминь.

Этот страх не чужд и Ангелам. Он, по слову псалма, чист и пребывает вовек. О нем нужно молиться: «Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего».

Примером правильной богобоязненности и плодов ее — уклонения от зла — был Иосиф Прекрасный. Иоанн Златоуст в одной из проповедей говорил, что велика вера и велико мужество трех отроков перед пылающей печью в Вавилоне, но вера Иосифа и его целомудрие перед лицом соблазнов в доме Потифара стоят больше. Там — разожженная печь и смерть, кажущаяся неминуемой, здесь — печь похоти, обжигаящая ежедневно. Ведь жена Потифара ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею (Быт. 39:10). Он — раб, то есть человек, лишенный свободы, а она — его госпожа. Он — в том возрасте, когда и без дополнительных искушений юноша пламенеет различными мечтами и желаниями. Но все же Иосиф говорит: Как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом? (Быт. 39:9).

Лучший способ обрести страх Божий, это жить вблизи человека, у которого он есть. С этим человеком не обязательно молиться вместе. Достаточно ловить рыбу или заваривать чай. Тайным способом страх Божий сообщится от души к душе. Но в том-то и проблема, что носителей благодатного опыта до чрезвычайности мало. Остается спасаться как бы из огня (1 Кор. 3:15), мобилизуя все силы на борьбу с ленью, унынием, на сопротивление соблазнам. Ободряет, что Христос никому, кроме дьявола, не говорит: Отойди от Меня. Напротив, говорит: Придите ко Мне, и еще: Приходящего ко Мне не изгоню вон (Ин. 6:37).

Не только Ветхий Завет, но и Новый, в случае прочтения под углом зрения борьбы с плотскими грехами, дает нам понять, что блуд — не просто свойство нашей испорченной природы, но оружие в руках врага, направленное против нас самих. И нужно распять плоть со страстями и похотями (Гал. 5:24), чтобы врага обезоружить.

Нужно вчитываться в Писание и всматриваться в образ распятого за нас Иисуса. Поскольку Он пострадал за нас плотью, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотью перестает грешить (1 Пет. 4:1).

Мыслью надо вооружиться — это, пожалуй, самый важный вывод из сказанного.